

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

Федор БЕРЕЗИН

ВОЙНА 2030 КРАСНЫЙ РАССВЕТ

ПОЛЕ БИТВЫ - АМЕРИКА!

Война 2030

Федор Березин

Красный рассвет

«Махров»

2005

Березин Ф. Д.

Красный рассвет / Ф. Д. Березин — «Махров», 2005 — (Война 2030)

Тридцатый год нового тысячелетия, но в деле по-прежнему старые джокеры... Суперармады Соединенных Штатов. Летающие и плавучие арсеналы. Авианосцы длиной в милю. Они хотят искромсать весь мир, но сейчас направляются в никому не нужную Африку. Никому не нужную? Похоже, там уже готовы их встретить. В том числе и люди из далекой северной страны под названием Россия, которая вроде бы здесь абсолютно ни при чем. Но эти люди долго готовились...

© Березин Ф. Д., 2005

© Махров, 2005

Содержание

Рекомендация: «Для служебного пользования»	5
1	7
2	9
3	11
4	12
5	13
6	15
7	17
8	19
9	22
10	24
11	26
12	29
13	31
14	35
15	37
16	40
17	41
18	43
19	45
20	46
21	47
22	49
23	50
24	52
25	54
26	56
27	57
28	58
29	60
30	61
31	63
32	64
33	66
34	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Федор Березин

Война 2030. Красный рассвет

А из какой материи сделана полужесткая пластина, которая называется «погон», – это дело десятое, хоть из пластмассы, хоть из материи эпонж, хоть из брюссельских кружев. Главное – быть военным и точно стрелять в тех, кто любит делать матрасы из девичьих кос, и еще главное – быть солдатом, то есть, в общем-то, человеком, и преодолевать полосы препятствий.

Михаил Анчаров «Золотой дождь»

Рекомендация: «Для служебного пользования»

Резолюция: «Секретно! Высший приоритет!»

«...и как следствие прямое военное столкновение со столькими противниками неприемлемо. Однако косвенное, при котором место, время и жертву выбираем мы, не просто приемлемо, а крайне необходимо. И сроки этой акции подошли именно сейчас...

...в результате нанесенного нами поражения – грубо говоря, наглядного «избиения» – правительства, военные круги и общественность абсолютно всех конкурентов приходят к выводу, что прямое столкновение с нами явится наихудшим решением возникшего кризиса. Им придется смириться с потерей энергетических источников. Дело не пойдет далее словесных протестов, нот и прочих подобных акций, кои в новых условиях не будут иметь абсолютно (!) никакого значения. Одновременно, в достаточной секретности, наши бывшие союзники и несоюзники начнут нащупывать возможности коалиционного выступления против нас. Кроме того, наглядно убедившись в нашем военном превосходстве, они попробуют совершить технологический рывок и перевооружение. Это потребует времени, а следовательно, мира. Вероятно, военные названных выше стран и коалиций сумеют протолкнуть весьма смелые проекты. И все это под дипломатической завесой, поставленной правительствами. Ни то и ни другое нас абсолютно не должно волновать.

В результате обретенного нами контроля над мировыми источниками энергии, нашей задачей останется вести себя сдержанно. То есть попросту выжидать. Из прошлого опыта мы знаем, как быстро даже супердержавы теряют свою военную и промышленную мощь всего лишь при смене некоторых приоритетов политики. В случае Советского Союза всего через десять лет реальная (не показушная) военная мощь в сравнении с нами упала в сто раз (!!!). В нашем случае, при правильной дозировке ходов, все произойдет еще быстрее. Естественно, имеются нюансы. В случае СССР одновременно происходило два процесса, имеющих обратные векторы. Падение его потенциала в результате развала и неправильно поставленных целей, а одновременно с этим продолжение нашего перевооружения.

Сейчас ситуация усложнится тем, что мы сами, несмотря на обретение полного контроля над источниками, не будем иметь потенции для технологического движения вперед в военной области. Однако парадокс заключается в том, что теперь это и не будет надо. В условиях лишения наших конкурентов доступа к топливу с их экономиками произойдет коллапс. Следовательно, в реалиях «нового мира» уже само поддержание устойчивого состояния может расцениваться как прогресс. Более того, со временем темпы этого «прогресса» будут нарастать.

По расчетам, уже через пять лет после часа «Х» никто из вышеназванных противников и даже уже невозможная по нескольким причинам коалиция не смогут помыслить о военном столкновении с нами. Однако и в этом случае лучшим ходом с нашей стороны останется ожи-

дание и, как и прежде, только пассивная локальная оборона источников энергии. Ибо еще через пять лет мы сможем легко разбить всех наших былых конкурентов. И как это ни прискорбно, именно тогда нам и придется это совершить.

Ведь, несмотря на переориентацию всех источников в нашу пользу, это даст нам отсрочку не более чем на четверть столетия. Постепенно наши собственные потребности придется сузить. И, как ни обидно, ограничения коснутся даже армии. В первую очередь такая мера урежет возможности нахождения в высокой степени боевой готовности. Следовательно, нам будет необходимо доломать военные потенциалы и госструктуры стран других континентов до того, как наши собственные вооруженные силы и флот начнут деградировать.

Во избежание начала конфликта до срока нам придется периодически жертвовать частью обретенного ресурса – в общем, приблизительно одной десятой. Эта часть необходима для разобщения возможных коалиций, ибо мы сможем периодическими подачками топлива продлевать стагнацию рушащихся экономик, создавать у них иллюзию стабильности...

...естественно, вначале придется отказаться от авиации. Она самый крупный потребитель наиболее ценных фракций. Даже простая подготовка пилотов требует колоссального расхода невозобновляемых запасов.

Касаясь же ВМС, поначалу все еще придется содержать в порядке мощный флот. Ибо только он оградит нас от воцарившегося на других материках хаоса.

А вот сухопутную армию можно будет сократить до минимума. До сил, достаточных для перекрытия пятисоткилометрового перешейка...

...и значит, если все вышеперечисленное будет осуществлено, нам останется только ждать. Как все-таки прискорбно и негуманно это ни звучит, но чем тщательнее и быстрее хаос, воцарившийся повсюду, сделает свое дело, тем скорее антропологическая нагрузка на планету снизится до приемлемого уровня. Это создаст ситуацию, при которой мы – точнее, наши потомки – сможем существовать на относительно цивилизованном уровне по сравнению с остальными. На фоне царящего там общества собирателей, а в лучшем варианте феодализма это будет нечто вроде легендарной Атлантиды.

Однако в настоящий момент все эти перспективные победы базируются на нашем теперешнем плане. Жертва выбрана и подготовлена. Нам нужно всего лишь уверенно начать и быстро закончить...»

1

Паровоз воспоминаний

Он родился в 2004-м, когда страна находилась в очередной обманчиво-благостной фазе, предшествовавшей будущему падению. Золотой шприц СМИ продолжал обильно вливать морфий успокоения. Отработанно хватал за руку зазевавшихся и волок в мир сексо-мастурбационных грез. И голубые экраны мерцали, впитывая нервы, мозги и энергию неосторожных двуногих кроликов. Впитывая не на время – навсегда. Как хорошо им было в эти скользкие мимо мгновения. Одновременно их мамы, крольчихи, с закрученной между полушариями лентой Мебиуса все той же песенки «Все будет хорошо», падая от усталости, выгребали последние капустные листики долларовой пены. Да и то не для себя, для больших откормленных дядей, живущих в мерцающем режиме между Гавайями и Москвой. Это мерцание относительно быстро, измеряя сроками аукнувшего в бездну небытия дворянства, привело их к окончательному всасыванию в виртуальность. И если первые все-таки успели сыграть в истории свою скрипку: цунами их чувств-мыслей все еще резонирует в некоторых восприимчивых головах и мощно прогибает полки книжных хранилищ, то вторые... Где вы, дяденьки с золотыми цепочками?! Ау! Нет дяденек. Пыхнули маревом вместе с блестящими, жрущими бензин машинами.

Он родился. Ему повезло не угодить в мусорный бак досрочно извлеченным выкидышем. Его прикрыл материнский инстинкт. Странный атавизм, никак не капитулирующий перед напором «желтой» прессы и мерцающего циклопным глазом ящика. Этот атавизм напрягся, отразил ударный напор высвобожденной из дальних закутков мозга ящерной тупости. Создал барьер от шныряющих по округе туберкулезов и СПИДа. Заставил добывать, выдергивать из безразличного пространства, когда-то бывшего Родиной, какие-то съедобные крохи. Делить их не на три – надвое. Ибо благостная забота тогда еще ярко мерцающих между Гавайями и голубым экраном дядей, гипноз их красных пиджаков скомандовали: «Делай как я!» И папы – не только его таинственный и никогда не выявленный, все – с удовольствием отклонялись, сдернули скорлупу защитного кокона на себя и ушли. Туда, в обещанные волшебным ящиком сексо-мастурбационные грезы.

Смутно, подсознательно и скорее ложным наложением последующих словесных образов он помнил какую-то шумиху по поводу падения Останкино, и совпавшего отказа последних спутников связи. Стало действительно шумно, точнее, шум переключил ракурсы, ибо волшебный ящик бился непривычной рябью, а часто забредающие в разведывательных и просто коммуникационных целях соседи жаловались: «Теперь уже все! Последнюю радость гады забрали!» Но «гады» напряглись, взяли срочное кредитование, замерцали в самолетах туда-обратно. Зафрахтованный, внеочередной полет шаттла решил дело. Все напряженно, замерев, перераспределив энергию познания в торчащие уши, ждали (торговцы радиоприемниками скачком перенесли в страну Эльдорадо). Имена астронавтов-героев знали назубок – Нил Армстронг с Гагариным рядом не стояли. И голубой экран залился обычным хохотом и мелодиями.

Потом – кажется, он немного подрос – совершалась какая-то смута. Бегство из города – много ярких впечатлений по дороге. Короткие, немелодичные звуки пулеметного бульканья. Почему-то видимые – теперь из взрослости и опыта ясно, что трассирующие, – пули. Чьи-то визгливые задыхающиеся хрипы в подъездной темноте. Обращающаяся в облако и в удар по перепонкам зализанность блеска красивого бензинового автомобиля. (Возможно, колдовство ящика неожиданно перестало действовать, кто-то устал от эрото-мастурбационного марева и проснулся.) В деревне у них никого не было, точнее, имелись какие-то дяди-тети в другой,

но, наверное, лучше уж получалось у чужих. В общем, ни родни, ни знакомых, зато там требовались рабочие руки, даже женские. Остались прекрасные, запомнившиеся образы никогда не виданной доселе природы. Леса, поля. Пожалуй, это отразилось в подсознании. Необходимый опыт для последующей жизни. Однажды он ушел, увлекся – хотел поймать дразнящую невиданную птицу целлофановым кульком. Заблудился. Но повезло – нашли. Мама с дядей Ерофеем. Этот Ерофей был ничего. Правда, хмурый. Потом куда-то делся. Мама сказала, что в город, на заработки. Но у соседей все еще непривычное для слуха слово «Ерофей» сочеталось с менее странным и слышанным ранее – «передозировка». Потом смута кончилась. О ней вроде никто и не поминал, мозги давали сбой и проскальзывали – ящик опять вспомнил волшебные эротические заклинания. Вернул власть – свою и, наверное, еще чью-то. Снова замелькали зализанные железом бензиновые пожиратели кислорода.

Потом – 2017-й. Но он уже тринадцатилетний. В такие времена равный зрелости возраст.

2

Твердый грунт

С точки зрения тактики данная операция не вносила ничего нового. Конечно, некоторые нюансы конкретно этого боя с неизбежностью разнились с чем бы то ни было. Это ведь даже не шахматы. Шестьдесят четыре клетки, тридцать две фигуры, четкие правила. В итоге – уходящее в вечность количество вариаций. Но все-таки за счет связности целей вполне допустимо неоднократное дублирование одних и тех же партий. Здесь сама жизнь. Колоти человечество друг друга с момента начала расширения Вселенной, вышибай мозги до окончательного царства энтропии, нельзя допустить, чтоб где-то что-то повторилось идеально. Видимо, мы слишком сложные для столь простого искусства, как раскалывание черепов. Столь сложные, что вносим в него крупницы творчества. Ведь глупость, будто процесс взаимного истребления не требует никакого ума. Безмозглый недолго будет радоваться достижениям в этой работе. Кто-то более хитрый быстренько развернет машину удачи в свою сторону и... Покатится по паркету доски не в меру возгордившаяся черепушка, плеснет из нее недостаточно перегруженная извилинами каша. И если не брать в расчет вздохи-переживания, которые как раз весьма схожи и даже входят в ритм от сеанса к сеансу, то ни один бой не похож на другой. Естественно, молохи стратегии, ловящие интуицией сигналы всекосмического информационного поля, часто угадывают ходы друг друга. Правда, не очень далеко, ибо каждый шажок противника опрокидывает череду готовящихся построений. Тогда это отброшенные варианты, не стоит засорять ими голову. Надо снова видеть только на шаг, ибо он решающий. Понятное дело, поступь гения плохо поддается измерению, и шарканья лилипутов не приноровить к вскидыванию ноги гиганта, но... Вообще-то это совсем другая история.

Так вот, бой, который, по всем предварительным прикидкам, должен был состояться здесь, не нес в себе ничего необычного. В истории разумной популяции Земли таких имела длинная череда. Была речечка-ручей, была удобенькая тропа для перехода, было солнышко за горизонтом, луна, моргающая тучками, был тихий, вполне проницаемый и в меру обжитый лес, и была засада. Засада, продуманная знакомым гением. А где-то там, за километр с мелочью, какие-то вовсе с неизвестными лицами люди двигались по тропке-тропинушке. Двигались осторожно, но достаточно беспечно и вполне уверенно. Может быть, у них не наличествовало в запасе собственных знакомых гениев-тактиков? Или шажки этих знакомых никак не синхронизировались с подвижностью коленок тех, кто их поджидал? Весьма вероятно. Но скоро и те и другие должны были с неизбежностью познакомиться. Познакомиться и обменяться опытом. Допустимо, что кто-то обязан был вынести из этого обмена знаниями уроки. Хотя больше шансов ставилось на то, что те, кому особо стоило бы подучиться, с неизбежностью сыпались на экзамене. Причем без всякой возможности пересдачи. К этому шло. Чья-то темная, недосинхронизированная черепушка обязана была покатиться и расплескать по тропе или по паркету шахматной доски кашу с искривленными прожилками извилин.

А вот напряженные извилины и нейронные сети тех, кто организовал засаду, почти искрились. Они ведь производили абсолютно гарантированную связь с будущим. Не с очень далеким, строго детерминированным, но все-таки будущим. Медиумам, годами потеющим в достижении контакта картами Зеро, стоило у них поучиться. Перенять опыт. Люди, часто и без особого принуждения соприкасающиеся со смертью, непроизвольно и запросто оперируют с какой-то дополнительной гранью реальности. Кое-кто из сидящих в засаде действительно сидел, кое-кто лежал, а кто-то даже стоял. Ни то, ни другое, ни третье не имело для участников никакого значения. Удобство не входило в их повседневную привычку. Главное – правильность выбора позиции и зона огня. Кроме того, в их амуницию входило достаточно много приспособ-

соблений, облегчающих ожидание. Например, сидеть и даже стоять получалось: используя в качестве опор раздвижные, ничего не весящие шарниры, крепящиеся к полужестким частям панциря. Еще больше в их багаже имелось всяческих устройств, облегчающих выполнение боевой задачи. Сегодня в ней не значилось ничего особо выдающегося. Плановая операция. Такие уже имели место под этим солнцем и под этой моргающей тучами луной.

Некоторая нетривиальная составляющая заключалась лишь в том, что противника требовалось не просто разбить, заставить отказаться от выполнения задачи и обратить в бегство, а полностью истребить. Но и такое уже имело место и присовокупилось к индивидуальному и коллективному опыту. Вообще-то, по большому счету, даже если бы кто-то из угодивших в ловушку и «ушел», особого кризиса не случилось. Конечно, при долгом умствовании можно предположить, что тогда их последующие задания усложнятся. Но, наверное, это стало бы совсем надуманной ситуацией. Основное противоречие возникало не здесь. Просто в тех, кто сидел в засаде, выработали хорошую привычку – делать все на совесть. В данном случае совесть требовала досконального истребления. Ну, что же... Се ля ви!

3

Паровоз воспоминаний

Так вот, в 17-м он уже считается вполне зрелым для всего. Узкие плечики? У кого они теперича шире? У тех, кто провел детство под лавками вокзалов девяностых? Не смешите! Время жилистых и хмурых богатырей прошло. Говорят, за счет развития технологий. Ну-ну! Где они, те технологии?

Так вот, он вполне зрелый и годный для многого. Однако в новые ополчения не берут – «подрости, пацан!». Зато в армию гребут всех. «Только тринадцать? Хм... – Одноногий, когда-то подружившийся с бельгийской миной прапор думает. – В „суворовку“ пойдешь? Там теперь недобор – никаких экзаменов. СПИДа, по тесту, нет, значит, здоров! Толя, оформи его как опознанного сына погибшего в Чечне офицера. Кто свидетель? Меня и пиши. Уже третий, говоришь? Ну так почему бы мне их не знать?»

Потом муштра. В общем-то, вялая, с учетом нисходящей кривой жизненной энергии масс. Увольнения? Никаких! Пулеметы на вышках. Правда, развернуты не внутрь – во внешний затаившийся сюрпризами мир. Пулеметы старенькие, но только из консервации. Любо-дорого смотреть. «Made in SSSR»? Нет, по-русски: «Сделано в СССР!» Однажды внешний мир нахлынул. Нет, не на них. На наемный отстроенный Кремль. Если бы не начальник училища, бывший донской атаман, то...

«К чертям собачьим! – сказал он по телефону, а также в лицо прибывшему на „Хаммере“ уполномоченному. – Нашли защитничков, „солдатушек-браво-ребятушек“. Раньше надо было думать! Пусть ищут резервы в других местах! Ну и что, что президент просил? Нормальный президент просить не должен. Ну, это мое личное мнение и к делу отношения не имеет. Ах, вот если на нас... Тогда понятно, будем стоять до конца. Да, будьте уверены! Пулеметы у нас – не китайская подделка! А, ну так, вот после и разберемся. Судьба, она вещь такая – по-всякому может перевернуть. Ага... До свидания! Счастья вам в личной жизни! Да, кстати, чуть не забыл. „Хаммер“ вам точно нужен? Может, займете для подрастающего поколения? Я знаю, что метро не работает. И трамвайчики сдохли – тоже знаю. А такси, оно и в Африке такси. Чего ж это вы, при Кремле работаете, а долларов не имеете? Я б вам занял, если б были. Все равно недолго тем „зелененьким“ зеленеть. Пора и честь знать. Ну, вы по заборчику, по заборчику, пригибаясь. Так и доберетесь». А потом по внутреннему интеркому: «Дежурный! Училище „в ружье“! Хватит нашим мальчикам спать. Пусть почистят „калаши“.

Ему уже почти шестнадцать.

4

Твердый грунт

Достаточно крупная, но весьма неумело организованная группа людей, смело движущаяся навстречу предусмотренному другими будущему, представляла из себя частичку великанской проблемы, родившейся в прошлом веке. Эта группа была как бы снежком на заслоняющем солнце айсберге беды, нависшей над человечеством. По большому счету имелся ли смысл в сгребании метелкой снежных хлопьев на вершине этого айсберга или даже в их ковырянии лопатой? Здесь требовался хороший динамитный вагон, загнанный куда-нибудь под монолит основания ледяной горы. Но пока никто во всей человеческой популяции Земли не ведал, где взять этот вагон и что в него положить. И поэтому те, кто сидел в засаде, ковыряли снежок. А вообще, они могли относить себя к санитарам, ведь проблема, которую олицетворял айсберг, когда-то была исключительно медицинской. Впрочем, очень недолго.

Группа, должная угодить в клешню, была вооружена. Так что стрелять по ней без предупреждения было честно. Понятно, огнестрельное оружие группы не шло в сравнение с тем, что имелось у сидящих в засаде. Но ведь все равно они вынуждались сойтись в пределах выстрела, и, по нынешним временам, это напоминало напыщенные рыцарские манеры. Правда, того, что являлось главным в арсенале приговоренной группы, у ждущих команды на открытие огня не имелось. А ведь именно это оружие подвигнуло тех на вылазку. Именно оно подстегивало их когда-то к первым походам. И только владение им подставило их под уничтожающий удар. Наличие такого оружия у противника, а главное, желание снова и снова его применять, не просто развязывало расставившим засаду руки, оно полностью освобождало и ставило подпоркой за спиной такую штуку, как совесть.

Ведь те, кто аккуратно, но глупо продирался сейчас через кустарники, владели опаснейшим биологическим вирусом. И они уже неоднократно применяли его против людей. Этот вирус был смертелен, хотя убивал не сразу. И он не был, как оказалось, чисто медицинской проблемой. Действуя медленно, но подло, он, перед тем как убить, вначале калечил душу. Большинство из тех, кого заражали банды, переносящие вирус, со временем организовывали свои или примыкали к существующим. Было здесь что-то от вампиризма. И даже очень много этого «что-то».

Поскольку бандитствующая группа не несла свою биозаразу в какой-то mine или бутылке, а транспортировала именно внутри себя, то ее невозможно было каким-либо образом разоружить, даже если б кто-то, по странной прихоти, решил это сделать. Следовательно, ее ликвидация и являлась единственно верным решением. Ну что же, слава мужеству санитаров леса!

5

Паровоз воспоминаний

Им дали закончить эту самую «суворовку». Правда, при другом начальнике. Этой власти «атаман» тоже не угодил. Потом его фамилия несколько раз всплывала в газетах. Совсем не крупным шрифтом. Но уж слишком приметная – Водолазов. Все он мелькал в границах или на границах возрождаемого Волжского ханства. С немецкой республикой что-то там не пошло – может, немцев не хватило или Евросоюз цыкнул. А вот с ханством поначалу завязывалось неплохо – Казахское рядом, пример налицо.

Потом предложение, точнее, завуалированный приказ к поступлению в училище более высокого порядка – офицерское. Шаг вправо, шаг влево – расстрел. Нет! Не в прямой форме. Просто, если вправо-влево, то «дан приказ ему на запад». Точнее – на восток-юг. Там как раз поразвелось бесчисленное количество ханств и княжеств. Некоторые даже в добрососедских отношениях. Но туда еще хуже – ведь их границы с другими тоже следует прикрывать. Так что лучше все-таки командное училище. Но демократия торжествует – выбирай. Есть ускоренные – двух-, есть обычные – трех-, и есть вообще четырехгодичные, для особо одаренных и с инженерной жилкой. Туда даже отбор. Но мы-то метнемся по-серенькому. Опять благодать разнообразия. Танки, вертушки, авиация, какая «хошь». А еще ракетных дел мастера и к тому ж недавно возродившееся из пепла, единственное на всю шагреневую кожу страны военно-морское. Кто тут случайно желает быть флотоводцем? Перспектива роста в неизмеримые дали, ибо все, кто когда-то плавал, скопом в учителях либо давно спились от неуплаты пенсии. Кстати, пока не выберешь и не зачислишься, никаких тебе положенных отпусков после «суворовки». Выбирай?

Растерянность в лицах сокурсников. Лучезарные мордяки наслаждающихся неведомой столичной жизнью направленных, прибывших за «командным» молодняком. И на фоне всеобщего праздника безэкзаменационного зачисления только одна хмурая, но с тонким запахом перегара физия чудом добравшегося до Москвы капитана. Добравшегося из самой дальней обучающей офицерству точки – БВАМКУСВР (Благовещенского высшего аэромобильного командного училища Сухопутных войск России). Почему хмурое? Потому что впереди у него – тяни, не тяни резину, а не избежешь – дорога обратно. По стершейся, но еще тянущей лямку «железке» не получается – передрались какие-то ханства. И значит, «аэромобильникам» не привыкать, на попутных летающих транспортах. Где их сейчас взять – попутные? И значит, через княжества-ханства, сколько-то их впереди.

А между прочим, пока то-се – семнадцатый-двадцатый, куда-то окончательно сгинула мамка. Может быть, с очередным Ерофеем, а может, и совсем. И некуда особо в отпуск, который после зачисления и фиктивных зачетов, проставляемых направленцами не то что за так, а даже за встречное вознаграждение, в виде закуси и того что перед.

Кстати, в померкшем, но не потухшем «голубом ящике» успешно справили годовщину принятия закона о взятках. Официальная, и даже прибыльная, за счет дорогих зрительских билетов, рубка рук по локоток. Обеих разом! Чем мы хуже других ханств-княжеств? Можем даже посоревноваться, если у соседей хватит духу и административного аппарата. Правда, нет, но статистика разворачивает диаграммы о фатальном переломе коррупционной кривой. Может, и правда, правда. Ибо пока доберешься из конца в конец города в метро, раза три-четыре безрукие тянут обрубки за подаванием. А глаза честные-честные. Тут и без всяких билетиков в почетную гостевую ложу, в которую только за валюту, и то пять раз подумаешь, прежде чем кому-то что-то предложить. Лучше уж лишний раз нахамить.

Так вот, в те «командные», что поближе, «солдатушки-браво-ребятушки» набрались как-то ударно. Даже, наверно, не без той самой, заранее согласованной штуки, за которую локотки становятся крайней точкой при положении «руки в стороны». Во всякие, типа Ярославское противоракетное, или Минское высоко-точно-ударное изначально к направленцу не подступиться, хотя прохаживается, зевает – сильно устает где-то по ночам. Короче, приставка «аэромобильное» сбивает с панталыку. Вот чисто «аэро» – это вроде – после доверительного разговора со знакомым – настораживает. У того родная тетка жила до развода в авиационном городке. Вот и поведал, что летчики-выпускники ждут самолетов годами и в основном все зря. Промышленность все еще не раскрутилась: алюминия мало, а титан ни одно из четверки казахских ханств не продает ни за какие коврижки. А если что-то и выпускается, Китай скупает целыми партиями, даже в качестве полуфабрикатов. Готовится к чему-то серьезному! Недооснащенные электроникой машины фарширует у себя, благо наловчился за полвека. И значит, истребители-бомбардировочные трех-четырёхлетки не прельщают. Направленцы с крылышками источают улыбочивость зазря. А вот «аэромобилист» стал попадаться в коридорах чаще. Может, переселился в казармы? Идет так по коридору в умывальник с хитро устроенной электроаэрозольной китайской зубной щеткой (все-то у него «аэро»!). Теперь, задним умом, прикидывается: скорее всего жизнь после первой недели кутежей в гостинице окончательно разорила – впереди еще дальний «аэропуть» домой, а гордость не позволяла кутить по вечерам на халяву.

И вот идет, щеткой своей взгляды притягивает (а когда чистит, жужжанием еще и уши), улыбку свою хмурую бесплатно дарит. Впервые они побеседовали над раковинами, отплевывая пасту. Не очень конструктивно. Так: «Ты-м-м-м на Даль-м-м-м Вос-м-м-м Не-м-м-м, ж-ж-ж (это микромотор щетки). К нам-м-м-м не-м-м-м?», – «Не-м-м, дале-м-м». – «Вольно-м-м-м воля-м-м-м ж-ж-ж». Вот и поговорили. Потом как-то опять около умывальников, точнее, в соседнем помещении, которое дневальные стараются убирать сильным шланговым напором. Здесь чудо-щетка с компьютерным измерителем толщины эмали мешает косвенно, только тем, что торчит во рту. «Ну, так что?» – «В смысле, господин капитан?» – «К черту господина, суворовец! У нас на Амуре – „товарищ“. – „А?“ – „Так что?“ – „Э-э...“ – „Думай, товарищ!“ И старинный бачково-унитазный смыв заглушил остатки дискуссии. Капитан-амурец явно не страдал говорливостью. Но вот «товарищ» в сочетании с «аэромобильностью», а может, и с насыщенной чипами щеткой подсекли на крючок окончательно.

Уже по дороге он вдоволь наощущался «аэро», да и «мобильности» тоже – в квадрате. И мир посмотрел – всяки-разны ханства-княжества, по которым они, можно сказать, пропутешествовали «аэроостопом». Велика страна Россия, жалко, что несколько разрозненна и нецельна.

6

Твердый грунт

Никто из сотворивших засаду понятия не имел, когда впервые появились такие банды. Вполне допустимо – они ровесники века. Уже в конце прошлого Африка была поражена болезнью по всей площади. Где-то с большей, где-то с меньшей концентрацией по отношению к здоровым. Какие-либо серьезные попытки внешнего мира воздействовать на процесс ни к чему не привели. Если, конечно, эти попытки вообще имели место. Некоторые внутренние районы Черного континента оказались поражены полностью! То есть существовали селения, и даже группы селений, в которых не водилось ни одного (!) здорового человека. По сути, весь окружающий Африку и вроде бы атеистический мир просто ждал, когда произойдет чудо, то есть вирус убьет сам себя. Вместе с носителями или без – это значения не имело. Само собой понятно, такое мнение никто не выражал вслух. Все находящиеся за морями-океанами скромно возводили очи долу и соглашались с верующими, до которых в остальных вопросах им никогда не было дела. Те тоже не доводили суть ожидаемого волшебства прямо, а юлили вокруг да около, вспоминая Содом, Гоморру, искупающие жертвы и прочие премудрости. Если Содом с Гоморрой расползлись на целый материк с миллиардом жителей, ну что ж, на все воля Божья. Так что в какой-то, очень большой мере действия отряда полностью оправдывались. С онкологической точки зрения они являлись слугами господа. Это роднило их с канувшими в исторические сериалы крестоносцами. Ну что ж, кто против такого сравнения?

По оперативным данным, банда,двигающаяся по лесу, поголовно состояла из носителей ВИЧ-инфекции. Люди находились в разных стадиях заболевания, разумеется, кроме тех, кто уже не мог подняться. Все без исключения знали о своем заболевании. Цель перехода из Зимбабве в Новый Южно-Африканский Союз состояла в распространении болезни вширь. В основном в банде находились люди, воспитанные в условиях натурального хозяйства, то есть в почти первобытном обществе. Может быть, поэтому и болезнь они собирались разносить не какими-нибудь впрыскиваниями вирусов в артерии, а прямым половым контактом? Разумеется, насильственным, причем не только в отношении женщин, но и в отношении подвернувшихся под руку мужчин. Вообще-то «собирались разносить» мягко сказано. Данная банда, как и некоторые другие подобного рода, занималась этим вполне активно. На ее счету уже имелось по крайней мере десяток деревень, подвергнувшихся нападению. Теперь, конечно, нельзя установить, кого из жертв заразили именно эти сексуальные бандиты, а кто имел в венах ВИЧ-инфекцию ранее – слишком широко болезнь разгулялась по континенту.

Обычно операция проводилась так. Выбранный главарями населенный пункт загодя – ночью – окружался. А утром производилось нападение. В чем заключался «гуманизм», так это в том, что оружие применялось только как крайняя мера. Здесь сила шла на силу. Жители сгонялись в одно место, сортировались по полу и возрасту, а потом начиналась сама акция. Естественно, те, кто активно сопротивлялся, уничтожались. Однако столь жестокое мероприятие не могло базироваться только на неудовлетворенном половом инстинкте, оно требовало более серьезной идеологической подпитки. Но негры, состоящие в банде, не имели какого-то особого образования, так что для них хватало участия в акции шамана. Потому перед «самым-самым» имели место песнопения и даже пляски. Этой упрощенной мессой участники обязались совершить порученную дьяволом «работу» с энтузиазмом. Понятно, кроме этого, они еще и грабили захваченный населенный пункт. Что особенного можно украсть у живущих в собирательстве и примитивном земледелии жителей? В основном только пищу. Но именно это и требовалось, ведь на физиологическую акцию уходило море силы и энергии. Кстати, именно

поэтому акция могла быть только однократной. То есть переход границы – точнее, переправа через реку Лимпопо, нападение и уход обратно в Зимбабве или Мозамбик.

Между прочим, поскольку такие мощные и относительно организованные группы появились только несколько лет назад, предполагалось, что их кто-то поддерживает. И вряд ли хилые правители этих самых Зимбабве и Мозамбика. Кто-то гораздо более серьезный, где-нибудь там, в недрах «Золотого миллиарда». Зачем? Если бы все шло «как положено» и ВИЧ-инфекция распространялась на материке по экспоненте, то в примитивной и никому не нужной Центральной Африке уже давно бы не стояло проблемы идентификации зараженных. С однозначной уверенностью оказались бы заражены все. Тогда бы еще через некоторое количество лет центр Черного континента успешно обезлюдел, и проблема исчезла.

Однако в последнее время на пути болезни встали древние первобытные племена. Возможно, проявили себя какие-то присущие любому виду жизни свойства – активно противостоять исчезновению. В племенах, ранее культивировавших все, что угодно, кроме воздержания, внезапно изменились каноны. В примитивных культурах очень трудно, а чаще даже невозможно противостоять принятым порядкам, тем более осененным колдовством и магией. Здесь все сошлось в фокус. Законы этих архаичных обществ стали до ужаса жестки. Одновременно вожди не гнушались помощью современной медицины. Но ее функция заключалась не в лечении, а всего лишь в выявлении носителей дьявольской заразы. После фиксации все зависело от культурных канонов данной группы. В некоторых, относительно жестоких, идентифицированные уничтожались во время специального обряда. Их трупы сжигались. Те, кто случайно или по привычке решался откусить кусочек от поджаренного, тоже уничтожались. В африканских деревнях творились страшные вещи. Но узнававшая об этом полиция обычно закрывала на происходящее глаза.

Но еще более ужасное происходило, когда после медицинского тестирования выяснялось, что больных в деревнях более, чем здоровых. Это становилось истинной победой дьявола, точнее, местных, примитивно-локальных идолов. Кстати, врачей, получивших такие результаты, обычно тоже не жаловали. Потом происходило разное. Иногда это приводило к взаимно истребительной войне между родственниками. Возможно, именно на основе таких случаев появлялись впоследствии банды. И конечно, их пополняли те, кому удалось увильнуть от принесения в жертву.

Однако первоначально отряды «переносчиков» выявлялись достаточно легко. Они были плохо, чем попало, вооружены, никем не корректировались, а значит, легко выслеживались полицией и армией. Даже их нападения на деревни часто успешно отражались. То, что появилось потом, стало несколько другим. Банды новой формации умело обходили полицейские и пограничные посты, абсолютно избегали бесцельной растраты сил до подхода к цели, а их оружие стало много лучше. Все это свидетельствовало о коррекции сверху.

Потому то, что сейчас делала вооруженная минометами группа, стало очередным ответом на новый вид воздействия. Природа явно наслаждается, копируя себя в малом и большом. Вторжение заграничной банды, несущей заразу, даже не напоминало, а прямо-таки копировало ситуацию по внедрению вируса в организм. Организм же отвечал на это по-своему. Он посылал антитела на отражение атаки. То, что антитела были не местного происхождения, имитировало внесение в организм биологически активных вакцин.

Сейчас вирус был обязан испытать на себе действие новой вакцины. Он шел прямо в раскинувшуюся западню.

7

Твердый грунт

Это было подлое оружие. Любое оружие не подарок, но такие подлые виды попадают все же нечасто. Вот атомная бомба при всем ее ужасе все-таки штука прямолинейная. Нет в ней эдакой подковырки. Рушит, ломает, выжигает. Вот ее разновидность – нейтронная... Тут подлость уже прощупывается. Так же подловаты некоторые виды химии. Нервно-паралитические, от которых сразу в «ящик», те как-то сходны с атомом – раз, и все. Вот другие, те что долгие часы душат или палят внутренности, те – да! Есть, конечно, еще яды... Как-то глубоко в истории и разбавлено романтизмом, так что не из этой оперы. К тому же, что нейтронные боеголовки, что бинарная химия, тут все – оружие коллективного пользования, да и без индивидуального посыла. Есть в них что-то от сил природы. Как ураган – переворачивает все вверх дном, уносит к черту на кулички – никто конкретно не виноват. Очень большое сходство. Не видно тут особенной личности, которая за этим стоит. Кого винить? Оппенгеймера с Сахаровым? Или сразу Эйнштейна? Да хоть всех скопом! Как-то все это несерьезно.

Ну а здесь была подлость в индивидуальном пользовании. А что можно еще сказать о лазерной винтовке, предназначенной для ослепления? Нет, понятно, для чего ее изобрели. Хотя и действует она в зоне прямой видимости, и хорошая снайперская сравнима в дальности поражения, но... Вначале научись с той снайперской попадать! Тут всяческие помехи – ветер, собственное движение цели, ствол нужно хранить в определенном диапазоне температур – не нагрей, не охлади, баллистические таблицы для феноменов памяти. К тому же разве она сработает против танкового наводчика? сквозь броню? А здесь – прямо в глаз, через извилину перископа. Конечно, если брать в расчет только войну механизмов, то все в ажуре. Вывод из строя фотокамер, прицельных приспособлений, ночных видеоскопов. Но все знают, не это главные цели. Зрачковые щели двуногих, разумных млекопитающих – вот что на мушке, и вот для чего изобретено.

И вот что интересно. В будущем далеке, когда программируемый робот окончательно сменит на поле боя человека, подлость применения улетучится не только из-за отсутствия биообъектов. Кибернетический разум, использующий лазерную «слепилку», не обладая воображением, абсолютно не будет представлять, что он конкретно делает. А человек? Здесь при самом скромном образовании, при самом жутком сужении коридора мышления – все, что происходит, однозначно представимо. За километр цель или за три-пять – разницы никакой. Даже если не видишь и никогда не узнаешь, как корчится, визжит или тихо раскачивается, молясь, лишившийся глазастости организм, все равно страшно. Ибо ужасная это штука – потеря зрения вмиг. Кто не верит, спросите у тех, кто давно бродит по миру с собакой-поводырем.

Потому, чтобы эффективно пользоваться световой винтовкой, нужно иметь черную-черную душу. По всем признакам, у Матиаса Соранцо верховодило внутри что-то очень подходящее. Или по мере общения друг с другом человек и техническое средство ведения войны перенимали друг у друга привычки, как часто случается у хозяев и их домашних питомцев. И уже не разберешь, стала ли собака постепенно походить на хозяина либо он сам выбрал для себя упрощенную живую копию. Здесь был прибор – «слепилка», штука из железа, пластика и прошедшего сверхтонкую обработку стекла. Механизм не мог менять свою структуру. Но вот сам итальянец Соранцо? Он явно уже перенял что-то от своего технологического кошмара. Например, с некоторых пор никто не любил встречаться с ним взглядом. Похоже, включалось подсознательное программирование: где-то там, в голове, каждый представлял, что именно эти глаза ищут жертву через прицел перед нажатием гашетки; причем ни мгновения запаздыва-

ния на полет пули. Триста тысяч километров в секунду! Здравствуйте, госпожа Луна, туда и обратно – три секунды на полет!

Так что Матиаса Соранцо в отряде не любили. Возможно, про себя он считал, что это от засилья славян. Но то было его личное, никем не разделенное мнение. Переняв от своей световой винтовки прямолинейность, он часто ляпал свои домыслы в глаза:

– Эти русские. Откуда их понабралось? У меня в Кальяре и то, куда ни ткнишь. В каждом кабаке. Официантами, я имею в виду.

– А где это – Кальяр? – интересовался Герман, уводя глаза с нити прицеливания.

– Сардиния, – механически прямолинейно чеканил Матиас Соранцо и спохватывался: – Ты, я надеюсь, ничего не слышал. – По принятой традиции, и на всякий случай, наемники скрывали свои выходные данные.

– Конечно, не слышал, – кивал Герман и тоже на всякий случай маскировал зрачки веками. – А как там, на этой вашей Сардинии? Сардин много?

– Чего? – Глаза Матиаса искали цели, буравили сомкнутые ресницы собеседника. – Вообще-то у нас бедно. Скоплю денег, перееду в Неаполь. В Генуе, правда, еще богаче, но там север – не люблю.

– Генуя – север? – переспрашивал Герман, вспоминая сугробы Амурского гарнизона. – Холодно, что ли?

– Да как-то не то. Французов всяких навалом. Не люблю.

«А я их даже с итальянцами не различаю, – думал Герман. – И никого-то, ты Матиас Соранцо – если, конечно, тебя так действительно зовут – не любишь. Ни французов, ни русских. Любишь только палить людям по глазам, выжигать дно глазных яблок, причем все едино кому, хоть неграм, хоть белым. Нехорошее это хобби, и не завидую я тебе, если ты случайно угодишь кому-нибудь в плен». Обычно воюющие люди не любят тех, кто намеренно стреляет в зрачки. Сильно не любят, так же сильно, как когда-то раньше, в период избытка топлива, ненавидели огнеметчиков.

8

Твердый грунт

Большая группа из нескольких сотен человек приближалась к расставленной засаде – совсем маленькому боевому подразделению. Во времена крестоносцев такая засада оказалась бы гарантированным самоубийством для нападающих. Однако времена напора массой миновали давно, приблизительно с момента изобретения пулемета. Сейчас два устройства такого типа разместились с обеих сторон от сбегающей к ручью тропы. Тем не менее, несмотря на огромную скорострельность, их задачей являлось только сдерживание возможной атаки. Однако самое главное орудие уничтожения пряталось на триста пятьдесят метров дальше. Это была достаточно примитивная система, и ее обслуживание отвлекло на себя сразу четыре человека. Ну что ж, зато в предстоящем бою они оказывались вне радиуса опасности.

Устройство представляло собой миномет разработки полувекковой давности. То есть еще двадцатого века. Конечно, за прошедшее время он несколько модернизировался, но все эти изменения в основном коснулись используемых боеприпасов, а не основных узлов. Вообще, примитивные системы времен холодной войны показали удивительную живучесть. Научно-техническая революция обтекала их стороной – они и без того считались совершенными машинами убийства. В данный момент в ящиках размещались снаряды нескольких типов, но чего-то особо мудреного здесь не значилось.

Для доставки миномета и боеприпасов сюда отряду понадобилось задействовать пять лошадей. Это было хуже катания на транспортном вертолете, но для примитивной задачи, поставленной отряду, экономически оправданно. Кроме того, вертолет засекался радаром, и, учитывая организованность «переносчиков», следовало поостеречься.

Лет за тридцать до того использование лошадиной тяги в этих мечтах сочли бы бредом. В первую очередь из-за непроходимых джунглей. Однако, к радости экологов, защитивших диссертации на тему климатических бедствий, за прошедшие десятилетия с наличествующими тут тропическими лесами все сложилось не слава богу. Местность стала достаточно проходимой для четвероногих.

Лошади были не местными – их вывели в России, в Воронежской области. С некоторых пор находящаяся в другом полушарии страна возродила этот древний бизнес и успешно поставляла своих жеребцов как в Африку, так и в Азию. Возможно, мир действительно развивается по спирали и настала пора возвращаться в примитивизм? К крестоносцам и прочему? Так что общее оснащение отряда представляло собой смесь архаики и новизны. Без последней шансов уничтожить многократно превосходящего противника не имелось.

Солдаты, выполняющие роль лекарства, были облачены в кевларовые шлемы и такие же доспехи. В руках, облаченных в трехслойные перчатки, они держали легкие автоматические винтовки, производящие впечатление игрушечных. Общая длина винтовок была небольшой, однако того, кто видел такое оружие впервые, поражала массивность приклада. Но именно там и помещались основные механизмы; туда же, позади рукоятки управления огнем, пристыковывался очень толстый магазин. Он имел такие параметры не за счет бесчисленности патронов. Просто в нем же находился добавочный, причем достаточно мощный, аккумулятор. Винтовка была плазменная, без электричества она стрелять не могла. Из-за безгильзовой механики она имела недоступную другим видам автоматов скорострельность. А за счет разгона пуль плазмой они получали солидное ускорение, однозначно недостижимое пороховыми устройствами.

– Это легкое задание, – сказал им три дня назад чернолицый полковник Расмус. – Ваша цель истребить их всех. Их детское вооружение вам не помеха. Перешелкаете как семечки.

– Оплата? – прямолинейно и совсем не улыбаясь спросил его Потап Епифанович.

– Имеется в виду доплата за риск? – Полковник улыбался. – Здесь его почти нет. Кроме того, вы не будете пересекать границу. Вы под нашей опекой...

– Значит, по заниженному тарифу? – поинтересовался неумолимый Потап Епифанович.

– Всего вдвое, но...

– Вдвое?! – удивился Потап Епифанович.

– Наши пограничники на стреме. Мы в любой момент...

– Сэр, мы знаем ваших неповоротливых лентяев, – по-приятельски подмигнул Потап Епифанович полковнику трансваальской армии. – За такую плату мои ребята рисковать не будут. Вы ведь не поддержите нас авиацией и ракетами, правда? Кроме того, это для нас – новая местность, а для них – родная. Они ведь уже неоднократно по ней бродили, да? И вы еще хотите, чтобы мы преследовали вырвавшихся из кольца? Это уже совсем другие условия боя. Тут мы сами можем угодить в засаду, так?

– Но, майор, поймите и наше положение. – Расмус все еще клеил на лицо радость общения с коллегой.

– Сэр, не уговаривайте меня. Мои солдаты рискуют жизнью, а не сидят в кабинетах под вентилятором. Они не будут таскать из огня каштаны зазря.

И Потап Епифанович добился своего. Им пообещали повышенные премиальные. И это было абсолютно правильно. Несмотря на превосходство в оружии, они должны сойтись с «переносчиками» на расстояние прямого выстрела, а ведь у банды, судя все по той же оперативной информации, находились не только автоматы и пистолеты прошлого века, но и гранатометы. Следовательно, риск был значительным. Не стоило терять личный состав за дешево, истребляя каких-то неорганизованных отмороzków, сведенных с ума шаманами новой религии служения дьяволу.

Сейчас каждый из солдат-наемников мог видеть приближающихся врагов. Однако пока не непосредственно в светомультипликационных очках, а через изображение, передаваемое средствами разведки. На группу не работали какие-либо спутники и даже самолеты дальнего авианаблюдения. Она была достаточно автономна. Но все-таки в ее арсенале находилась кое-какая авиация карманного вида. В буквальном смысле карманного. Более часа назад техник группы – Кошкарёв – с помощью переносной катапульты запустил в небо два летающих разведчика. И тот и тот размером с воробья. Погода стояла почти безветренная – идеальные условия для использования такой системы. При сильном ветре из-за сопротивления сносу пропеллеров очень быстро разряжались аккумуляторы, и тогда микромашины приходилось сажать досрочно. Оба «колибри» уже давно нашли свое место в ночном небе и теперь нарезали в нем синхронные восьмерки. Расстояние между самолетиками составляло строго пятьдесят метров. С их трехсотметровой высоты зависания это давало на проецирующую аппаратуру великолепное стереоизображение. А там, на земле, не могущие слышать малозвучные моторчики люди продолжали беспечно приближаться к предназначенной им «мышеловке».

Разумеется, те, кто руководил бандой «переносчиков», не были полными кретинами. У них, как положено, существовал авангард разведчиков. И вполне может стать, достаточно опытных разведчиков. Ведь их наверняка выбирали среди бывших охотников. Но откуда этим привыкшим к лукам более, чем к автоматам, первопроходцам было догадаться о том, что каждое их движение любой из затаившихся за километры врагов мог не просто видеть, но по желанию смотреть в замедленной либо, наоборот, в ускоренной съемке? Да еще, если очень хочется, прокручивать по новой?

И потому в настоящий момент отряд «переносчиков» двигался вперед, понятия не имея о том, что их славные следопыты лежат, раскинувшись, с дырами в черепах. Их уже аккуратно, не из уважения, а для того чтобы не шуметь, складировали в стороне от ручья. Можно сказать, очистили сцену. Первый, бесшумный акт трагедии уже случился. Но зрители имелись только

с одной стороны. Вероятно, для них из-за однозначной предопределенности сюжета это уже больше напоминало комедию?

9

Паровоз воспоминаний

Из Москвы он оказался один. По крайней мере из коренных жителей. На все «аэромобильное» БВАМКУСВР. Наверное, это не могло являться свидетельством слишком большого ума. Но не будешь же всем и каждому объяснять, что к моменту окончания «суворовки» у него уже не имелось в столице вроде бы закрепленной когда-то жилплощади. Да и вообще отсюда, через девяносто меридианов и бесчисленность ханств-княжеств, а также Новую Золотую Орду, Москва все еще представлялась красивым мегаполисом с очередной раз воздвигнутыми Кремлем и Мавзолеем. Зато в «аэромобилке» имелась большая «диаспора» уроженцев совсем другой столицы – действительно мегаполиса, с тридцатимиллионным населением. Конечно, китайцы явились сюда не только из Пекина. В официально двухмиллиардном, а в осторожных предположениях некоторых, пятимиллиардном государстве все было донельзя спланировано и рационализировано. Ведь иначе не выжить! Обручи этой бочки, в которую люди напиханы похлестче сельди, могли не выдержать в любой момент. Лишнее перенапряжение раздутых транспортных артерий, пусть даже раз-два в год, во время каникул – зачем? Так что основное количество учащихся китайцев с севера. С их собственного – китайского. Не из тех бесчисленных орд, которые и так, прорвав обручи, расселились по все еще номинально русскому Дальнему Востоку. По крайней мере очагово русскому.

Для учащихся китайцев не требовалось изобретать особую кликуху. Китайцы – они китайцы и есть. Драки на национальной почве случались редко. Еще бы. Когда училище скопом выгонялось на плац, на фоне их бесчисленных раскосых ратей четыре аэропорты русских смотрелись блекло – маленьким гордым народом. Да и вообще, любому прибывшему становилось понятно, что именно на китайцах все тут и держится. Все в целом! Само существование Благовещенского высшего. Ясное дело, не на тех облаченных в справную форму абитуриентах, что здесь, а на тех бесчисленных, за Амуром. На их экономике и финансах.

Среди сокурсников ходили разные слухи по поводу того, сколько тысяч новых юаней платит Пекин за каждую офицерскую голову. Все равно никто не ведал точно. Однако образцовому дурню ясно, что без этих юаней местная «кузница офицерских кадров» стала бы далеким преданием, подобно мумии из кремлевского Мавзолея, сгинувшей в смуте 2017-го и до сей поры не найденной. И даже если бы БВАМКУСВР и существовало, то уж аэромобильным оно бы давно перестало быть. Ибо именно за китайскую валюту закупили когда-то десять «черных касаток», которые по сию пору исправно и вовремя получали весь комплекс из тридцати тысяч запчастей с родного московского завода. А вот топливо шло из Китая напрямую. Правда, оно прибывало на баржах, кружным путем, по извилинам амурского русла. Однажды кто-то там, в китайском Люйшуне, а может быть, Харбине, ошибся: прислали топливо не той системы. Ох, кому-то там, в Циндао или Шанхае, влетело, наверное. В том плане, что, как обычно, сняли голову за непроизводительное использование ресурсов. У них там с этим просто. Вот чтобы родить вне очереди, надо быть Героем Народа, а чтобы голову с плеч... Никакой бюрократической волокиты.

Кстати, груз зазря не пропал. Химический анализ показал на его идентичность с огнеметной смесью. Начальство, генерал-лейтенант Полозков, скомандовало, и из опечатанного бункера достали, стерли смазку с давно не используемого арсенала. Ведь с тех пор, как оптовая цена за баррель нефти приобрела тенденцию к непрерывному росту, огнеметание как-то потихоньку-полегоньку начало уходить в предание. Однако теперь кадеты-курсанты из Хун-Хото, Цзиси и прочего порезвились. Даже русским перепало: куда ж девать – целая баржа.

Между прочим, наличие в училище сородичей Конфуция пропитало «аэромобилистов» некой аурой философского видения мира. «Служите спокойно, салаги! – просвещали старшекурсники младших. – В ближайшее время никакой мировой не ожидается. Видите, „желтые“ своих по четыре года муштруют? Вот и сидите спокойно. Пока они гонят качество – все на мази. Вот когда они попросят наших преподавателей свернуть всю эту интегрально-теоретическую муть и прикажут выдавать „летёх“ в два раза быстрее, вот тогда сушите весла – вот-вот начнут». – «А с кем? С нами?» – наивно возбужденно спрашивали первокурсники. «Не смеши, салажонок! Пустят в увольнение, посчитай наличествующие на улицах русские рожи. Прикинь, кого больше. Мы у них – уже пройденный этап. И уж ясно, с кем начнут». Вообще-то было не слишком ясно – китайскую «бочку» распирало во всех направлениях, – но разве переспросишь.

Но русско-китайскую дружбу – крепить и приумножать. Так внушали все полковники-учителя абсолютно всех кафедр. Еще бы, именно на юанях держалось все их благополучие. Кому б они преподавали тригонометрию? Российских курсантов давно обучали не более трех лет. Для покуда менее аэромобильной, чем БВАМКУСВР, армии должно было сойти и так. Зато есть большой плюс психологического свойства. Те, поступившие вместе с тобой китайцы, с которыми ты кушал гречку в одном помещении столько тяжелых будней напролет, обязаны будут отдать тебе честь при встрече первыми. Это очень скрасит расставание со ставшими почти родными стенами «аэромобилки».

10

Твердый грунт

И однажды пришел момент. И если для сидевших в засаде он надвинулся планово – он отмечался в электронном изображении красной линией открытия огня, прямо поверх местности с птичьего полета, то для доселе ничего не ведающих статистов, бредущих в непроглядной темноте ночи, он свалился как снег на голову. То есть именно с такой неожиданностью, как снег падает здесь, в Африке, – раз в десятилетие. И никто не рывкнул команду. Бесшумно высветилась на английском надпись «Огонь!» в глазнице каждого. Прирученный микролазер создал очередную картинку, послав команду прямо в левый зрачок. И тогда правый расширился, совмещая прицел на указанной фигуре. А самый умный палец двинул сквозь перчатку шершавость курка.

И так же бесшумно, как снег, там, среди бредущих во тьме фигур, кто-то упал. Повалился навзничь, без раздражающего душу, крикливого возмущения. Потому как какой может быть крик, если легкие опали, пробуренные насквозь сверхускоренной пулей, выдулись беззвучным мыльным пузырем. Так, слабое сипение, не привлечшее внимания в темени. И даже кто-то споткнулся через корчащееся, хапающее воздух тело. Даже ругнулся – громче, чем оно умирало. И только после третьего-четвертого бесшумного и невидимого залпа дошло понимание случившегося. Пока весьма приблизительное понимание. Потому как шмякнулись на траву выроненные руками особо доверенных, тех, кому предназначались в будущем женщины помоложе и постройней, подсвечивающие траву и дорогу фонари. А может быть, кто-то вскрикнул, пораженный пулей, прошившей вначале впередиидущего товарища, а то и двух. Страшная штука – плазменный разгон! Те, кто стрелял, не читали, а те, кто умирал, не умели, старую книгу о Чингачгукке, когда пули из длинноствольной винтовки Соколиного Глаза продевали подряд по несколько индейцев. Тогда умели атаковать только в плотных порядках. Сейчас ошибка повторялась, только те, кто уже попал под обстрел, не готовились к атаке – они просто шли. Наверное, теперь кое-кто из них успел додуматься, что они уже дошли до самого конечного пункта. Над головой пелась короткая песня первой падающей мины.

Это была ликующая победная песнь.

И заговорили пулеметы. Нет, совсем не так тихо, как осторожные плазменные новшества до этого.

Там, среди спокойно и деловито бредущих в темноте, невидимых невооруженному глазу негров, волной, точнее, сталкивающимися резонансными гребнями, всколыхнулась паника. Да, они были никакими солдатами. Откуда? Никто их этому не учил, тем более никто не подготовил вот к такому внезапному громящему удару. И кто-то в темноте умирал, недоразорванный миной до конца. Кто-то в той же темноте бессильно ширил вовне ищущие ориентир зрачки. А кто-то, кому особо не повезло, внезапно нашел в этой тьме ярчайший, жахающий последней болью свет. Это играл, тренировал руку Матиас Соранцо. Играл и давал разминку своему «гуманному» оружию, за две микросекунды выжигаящему сетчатку на месяц, а за восемь – навсегда. Это была действительно серьезная тренировка, ибо перед каждым выстрелом нужно было сквозь светомножитель найти цель, смотрящую в нужный ракурс. Но по чести, в первые секунды такое было совсем не трудно, ибо большинство набредших на засаду пятались в сторону невидимых, косящих головы пулеметов. Этих дурней привлекал звук.

Потом, когда это большинство побежало, цели для слепящего переносного лазера исчезли. Обезумевшие от ужаса люди неслись назад, туда, откуда пришли. Там осталась уже пройденная, спокойная дорога. И инстинкт, схвативший узды правления, обманывал, говорил,

что если вернуться в пространстве, то можно скакнуть и назад во времени – в простое доброе прошлое.

Все это были глупости. Те, кто ведал будущее еще до этого, а сейчас держал за хвост настоящее, спокойно тормозя его на секунду для смены обойм, методично замораживали в линзовых прицелах мечущиеся там и тут мишени. Потом они уводили электронно отъюстированные мушки в сторону, отбрасывая кривляющиеся тела совершенно насовсем, прочь из временной шкалы измерения.

Их мушки искали новые цели. Тех было очень много, и они легко брались в перекрестье. Так легко, что когда по курсу случайно оказывалось дерево – оно не становилось помехой. Тяжелый, разогнанный плазмой патрон дырявил его на раз. Подумаешь, в чье-то туловище проникало немного стружки.

11

Обзор сверху

Наукой почти доказано, что большинство биологических видов со временем умнеют. Может, это и не так, но обычно те, кто не умнеет – вымирают и освобождают нишу другим. Естественно, умнеют те, у которых уже имеются мозги. Не владеющие специальным органом для думанья приспосабливаются к миру по-своему. Но сейчас не о них речь.

Как известно, человек относится к млекопитающим, а среди них даже самые примитивные имеют разум. Некоторые даже избыточный, способный абстрагировать. И этой способностью явно обладают не только высшие приматы, но даже столь непохожие на человека слоны. Но сейчас не о слонах, и не о приматах, и даже не о безмозглых, но процветающих вирусах-бактериях речь. Речь о самом умном из всех – человеке. На сегодняшнем этапе он явно доминирует. Однако умнеет ли он сам? Вопрос спорный. Хотя человечество в целом вроде бы поумнело, точнее, за счет возведения своего собственного количества в предел оно было вынуждено усложнить внутривидовую жизнь. Оно даже высвободило некоторое число индивидов (вообще-то миллионы – количество, превышающее популяцию всех видов обезьян, вместе взятых) из ярма физической пахоты и предоставило им возможность оттачивать разум. Правда, заостряя его не куда ни попадая, а на конкретно человеческие нужды.

Тем не менее вопрос о том, совершенствуются ли у человека мозги, остается открытым. Также, и явно в связи с предыдущим, остается нерешенным вопрос, не доведен ли разум в случае человека до предела сложности. Ведь то, что некоторые люди умнее, а другие туповатее, ничего не доказывает. Более общие тестирования, не по заточке мозгов в заузенную специализацию, дают рассогласование умов в разы, а вовсе не в десятки, как ожидалось. Так что Эйнштейн умнее знакомого алкоголика Пети всего лишь втрое (Петя может гордиться!). Тем не менее, поскольку результат налицо, это все равно дает мечтательным натурам почву для выводов о том, что если разум может разниться в разы, то почему бы ему не разниться в тысячи? Однако данный логичный вывод абсолютно ни на чем не базируется, по крайней мере в реальности.

Экспериментально выявлено, что самая умнейшая собака не может считать более чем до семи. Больше число предметов представляются ей чем-то не подвластным измерению. Но почему неизбежно где-то во Вселенной должно обитать существо, способное на большее? Человек явление преходящее. Вчера его не было, сегодня он существует, завтра, возможно, вымрет – и может, кстати, совсем не без помощи своего ума. Так вот, из ограниченных арифметических способностей собаки вовсе не следует, что где-то обязано присутствовать существо, оперирующее игреками (разумеется, если не брать в рассмотрение рыбу и допускать, что она способна считать миллионами, ибо именно такими количествами она мечет икру. Но так называемый «разум» природы мы сейчас в рассмотрение не берем). Тем не менее, есть человек или нет, зная о его сегодняшних способностях, мы делаем вывод, что существо более умное, чем собака, возможно в принципе. К сожалению, у нас нет данных о том, что допустимо реальное существование разума еще более высокой степени.

Здесь вопрос смыкается с одной абстракцией, подвопросом, а точнее, старинным вопросом: что есть разум вообще? Не вдаваясь во все возможные ответы, обобщим, что это есть устройство, способное работать с абстрактными моделями реального мира. Модель, в свою очередь, есть упрощенная сущность чего-либо. Так вот, если применить к разуму понятие мощности, то придется признать следующее. В какой-то мере мощь разума базируется на способности перерабатывать большие блоки информации. Однако по сути это неправильно. Информация есть только отражение реальности, причем в упрощенном виде. Максимум

информации содержит сам материальный мир, и тогда придется признать, что максимально умная субстанция – это Вселенная в целом. Нас не может удовлетворить подобный ответ.

Нас ведь интересует устройство, способное оперировать моделями. Итак, следовательно, мозг тем мощнее, чем больше правильных выводов (то есть совпадающих с реальностями Вселенной) он может сделать, имея на входе минимум информации. В таком случае идеальный разум – это тот, который, не получая информации извне, способен угадать реальность. Возможно ли таковое устройство? Если не брать в рассмотрение понятие бога, то явно нет. Тут действует аналогия, сходная с невозможностью вечного двигателя.

Пробуя приблизиться к идеалу, получаем машину. В широком смысле слова почти все существующее есть очень сложные машины, одновременно являющиеся частями еще более сложных машин. К примеру, ползущий жук есть сложная и покуда только доступная для имитации человеком машина. Но лес, по которому он ползет, тоже является машиной. В свою очередь этот лес является частью машины под названием биосфера. Та, в свою очередь, имеет одной из составляющих спутник планеты в качестве устройства (машины), вызывающего приливы, а в качестве источника энергии ближайшую звезду (термоядерную топку и в итоге тоже машину). Так вот, приближенная к идеалу машина, оперирующая с моделями мира, – это такая, которая обходится минимумом информации о реальном мире. То есть, грубо, вводим данные по составу элементарных частиц и таблицу Менделеева, в итоге получаем упрощенную модель галактик, звезд, планет, состав пригодной к жизни атмосферы, теорию образования видов, схему эмбриона, человека, модель цивилизации, параметры пирамиды Хеопса, понятие биржевых спекуляций и прочее, прочее. Неплохо, но допустимо ли? Явно похлестче вечного двигателя.

И значит? Только более простые, достаточно обусловленные предвидения. Но и по ним практически всегда провалы, и вроде бы наведенная с оптическим прицелом, но мажущая стрельба.

А главное! К чему весь этот, скачками текущий сыр-бор? Вообще-то все по делу. Все к тому, что человечество, несмотря на свою вроде бы увеличивающуюся мудрость, все так же, как и ранее, не ведает будущее и по большому счету в длительной перспективе идет впотьмах. Да и вообще... Что значит человечество идет? К сожалению, хотя опять же, может быть, и к счастью, оно не идет в ногу, да и вообще даже не рулит в одном направлении. Оно само раздрается внутренними противоречиями. Векторы пучатся во все стороны. И ведет его не какой-то коллективный разум мудрецов и старейшин, а перекачивает с места на место, то есть вовсе не обязательно, а лишь в виде исключения, толкая вперед, общая составляющая всех этих бесчисленных векторов. А векторов тех... Тьма-тьмушая, так ведь еще есть наверняка такие, о которых никто покуда не ведает. Вот и катимся.

Для примера, в сегодняшний момент прикатились к 2030 году.

В те времена часть человечества уже переварила, что надежды прошлого века на вечный и неумолимый прогресс и НТР были, мягко говоря, преждевременными. Эдакие ничем не обусловленные ожидания. Теперь самые умные, те что в два-три раза разумнее Пети-алкаша, прекрасно понимали, что понятие прогресса условно. И есть он, а может быть, уже не «есть», а «был», всего лишь одним из методов приспособления к окружающей недоброте мира. Энергетически тот прогресс обусловило аккумулированное мезозоем солнечное тепло и выжимаемый верхушкой из нижестоящих пот. Излучение центральной звезды копилось миллионы лет. Пот вообще-то выжимался всегда, обычно для убаживания высоко сидящего класса. Однако сейчас впервые, и всего несколько поколений, еще и для дела технологического скачка.

Нет, это не значит, что все миллионы двуногих скопом строили космодром и ракету, а уж тем более на ней, голубушке, летали. Однако уже к двухтысячному стало окончательно ясно, что та самая ракета может рулить к Юпитеру, только если где-то на матушке-Земле несколько сот миллионов царапают верхний слой коры мотыгами. И ни при каких условиях не

по-другому. Ибо из немногих перебранных вариантов один был с участием комбайнов. Дело не пошло. Диспропорция оказалась недостаточно значительной, никак не до Юпитера-Сатурна, а только до Венеры-Марса.

Нет, это вовсе не значит, что ракету нужно красить мотыгой, но для того, чтобы вдвое умнейший, чем Петя, инженер мог сосредоточиться, ему нужен стимул, а стимулом может быть только апельсиновый сок, а также обтекаемая, напоминающая ту ракету каталка, всегда голодная в плане бензина. Сок, понятно, выращивается теми, с мотыгами и отбирается за так. А бензин получают из той самой аккумулятивной мезозоем черноты, которую выкачивают с помощью концессий и прочих юридических штучек-дрючек.

Ну, а к 2030-му стало окончательно ясно, что эту самую диспропорцию надо постоянно искусственно поддерживать, ибо если только те, внизу, в Африках и Южных Америках начинают оседлывать комбайны – с концессиями не ладится. Ибо те нехорошие, неэкономичные и неэкологичные гусеничные монстры сразу начинают отсасывать молочко у инженерной каталки, и тут же что-то там у юпитерианско-нептунных орбит идет наперекосяк. Да и бог с ними, с Юпитерами-Плутонами, тут, в округе Колумбия, все идет наперекосяк. И значит?

Вот именно!

Для того чтобы те, вдвое туповатые, в смысле никогда не проходившие тестирования на интеллект и даже о таковом не слышавшие, не бросали мотыги, надо, чтобы над ними, точнее, над их правителями, периодически проносилось нечто вроде «Б Б» и «Б». А потому часть инженеров с извилистыми в нутре головами должны неуклонно выплескивать из тех извилин очередную вариацию «Б».

Что они и делали!

Называлось это – прогрессом.

12

Твердый грунт

Потом краткий рапорт. Закодированная реальность, в которой нет десятков разбросанных по местности тел и нет даже примитивных и настораживающих прослушивающий мир «Эшелон», «Задание выполнено!». Есть только «Полная фаза!». А оттуда вообще кодированная цифровая инструкция. С личными дополнениями Потапа Епифановича доведенная всем.

– Командование выражает нам благодарность за успешно решенную проблему и довольно, что потерь среди личного состава не имеется. – От самой специфики фраз русским в отряде комфортно. – Сюда спешно выдвигаются полицейские силы. Нам покуда желательно предотвратить исчезновение имеющегося на поле брани оружия, а также переговорить с местным племенем насчет отлова разбежавшихся целей. Кто у нас подойдет для такой миссии? Наверное, вы, Аттаванте?

– Да я вроде как не негр. – Ответ может иметь многозначное истолкование, и тем, до кого доходит, становится весело. Разрядка после мясорубки ночи.

– А нам тут черный и не нужен, – поясняет Потап Епифанович. – Белые в этих местах редкость – вас будут слушать внимательно. А своего, если без СПИДа, могут и зажарить. В этой местности дрова всегда найдутся. Так что уж... Сейчас мы с тобой приготовим речь. Вам понятно?

– Так точно, сэр! – салютует бразилец Аттаванте, теперь уже с полной серьезностью, как и положено в армии. Шутить с Потапом Епифановичем не стоит. Его обращение на «вы» лишь показатель дистанции, но все знают, что он может мгновенно и без прямого предупреждения пустить в ход огромные кулачищи. Так что видимость демократии в отряде – это только налет, верхний слой краски, под которым болотная жижа тоталитаризма, покоящаяся на плечах вымерших на севере континента фараонов. – Теперь далее. Всем слушать сюда! Тяжелое оружие – в походное положение. Спим по очереди. Лошадей покормить. Часов через шесть-семь производим выдвижение в то место, откуда нас высадили. Оттуда нас заберут «Ка-32». Но повезут не домой, на базу. В совсем новое место, на другую границу. Там нас ждет аналогичная работа. Правда, там мы уже никак не перехватываем их «до». Ну что же, придется наказать их «после». Это даже правильнее с точки зрения закона. Вопросы?

– А если они умудрятся уйти? – Это Миша Гитуляр, отрядный компьютерщик и связист.

– Надеюсь, не успеют. Пограничники должны пугнуть их, где надо, и постараться обеспечить их прохождение в нужном месте.

– Так нам – границу переходить? – синхронно интересуются сразу несколько любопытных.

– Коллективные жалобы в армии не рассматриваются! – шутит Потап Епифанович. Он сегодня явно благодушен. – А что вам граница? Она разве здесь столбами обозначена? Не видел. Не наблюдал. Да и вообще, внедримся недалеко, километров на десять. Да и куда внедряемся? В соседнюю республику, входящую в Южно-Африканский Союз. Правда, у них есть небольшие территориальные претензии как раз в этой зоне. Но зато... – Потап Епифанович торжественно вскидывает палец. – Поблагодарите вашего покорного слугу за заботу. Я выбил добавочные командировочные за риск. Теперь так. Раненых у нас нет – все работающие. Первому отделению спать. Не забудьте, аккумуляторы в зарядку. Второму – охрана, сбор здешнего металлолома. В первую очередь – гранатометы, пулеметы, средства связи, предметы интеллектуального обеспечения акции. Если, конечно, что-то из перечисленного имеется. С Аттаванте пойдут Минаков и Кисленко. Лишнюю сбрую снять, нам не надо, чтобы в деревне пошли раз-

говоры о пришествии инопланетян. Там вести себя корректно, ни на какие провокации не кле-
вать.

– Какие провокации? – негромко, но вполне слышимо возмущается Захар Кисленко. – Мы их, понимаешь, выручили, а...

– Стоп! – резко обрывает его Потап Епифанович. – Не забудьте их предупредить, что разбежавшееся по округе «мясо» заражено ВИЧ.

– А разве местные... – не удерживается от вопроса Цуяма Мигейоси, единственный в отряде натуральный азиат.

– Откуда мне знать? Совсем не исключено. В наше тяжелое время... Даже удивлюсь, если не так. Сниму перед ними шляпу. – Потап Епифанович потешно кланяется. Нет, он все же в хорошем настроении. – Все! Время – деньги! Разойдись!

Но он все же еще не выговорился. Подзывает пальцем Германа:

– Чего приуныл, солдат?

– Я приуныл?

– Нет?

– Конечно, нет, майор. Мы ведь победили.

– Мы совершили кровавую, но нужную работу. Так что выше нос, Герман Всеволодович. – Вообще-то несуразное здесь, в залитом кровью лесу, обращение по отчеству подстрекает к дискуссии.

– Послушайте, Потап Епифанович, а что будет с той деревней, которую уже... обработали те, другие, которых мы должны скоро встретить?

– Это не наше дело, Всеволодович. Не наше дело и не наш монастырь. И мы не будем лезть сюда со своим уставом, так ведь?

– Наверное, майор. Но знаете, что все-таки обидно? Чего эта расхваленная наука никак не изобретет лекарство, а?

– При чем здесь лекарство, Всеволодович?

– Ну, как при чем? – искренне удивляется Герман. – Все же из-за этого проклятого вируса. Сколько уже – лет сто как появился?

– Пятьдесят с мелочью. Но дело ведь не в нем, так? – С лица командира группы сходит улыбочка. – Это заражение просто снимает с некоторых людей тормоза. Если бы не это, они бы шли просто пожить-пограбить. Разница? Разве что трупов больше? Тех, что сразу, я имею в виду. А лекарство... Так ведь оно давно есть? И говорят, достаточно эффективное.

– Есть?! – расширяет глаза Герман.

– Ну да?

– Так почему же тогда?..

– Это не наше дело, Герман Всеволодович. Может быть, просто-напросто плазменные пули обходятся дешевле. Кто считал? Хотя уверен, кто-то все-таки считал. Но вообще-то наверняка это только часть целой связки проблем. Не для нашего солдатского ума. К тому же я же сказал про тормоза. У кого-то они снимаются медицинским приговором, а у кого-то просто хорошей оплатой услуг, так ведь? – И майор Потап Епифанович Драченко подмигивает и хлопает Германа по облаченному в кевлар плечу.

13

Кабинетные эмпиреи

– Господин президент, если бы цели этой войны были просто разбить Новый Южно-Африканский Союз, а тем более просто разоружить его, то нам бы, разумеется, не стоило проводить никакую концентрацию вообще. – Министр обороны Соединенных Штатов вещал ровным спокойным голосом без намека на эмоции. Если бы в помещении присутствовал иностранец, не понимающий английского, он мог бы подумать, что речь идет о какой-нибудь торговой сделке, а не о склонении главы исполнительной власти к тотальной войне. – К сожалению, господин президент, наши цели гораздо более решительны. Вы прекрасно знаете, что мы просто подошли к завершающей части давно приводящегося в исполнение плана. Мы специально дали возможность осколкам Южно-Африканской Республики снова объединиться. Мы даже подспудно подталкивали их к этому. Теперь они усилены политически и в настоящий момент составляют самую серьезную коалицию не только Южной, а вообще всей Африки. Вы знаете, что наши разведывательные службы специально смотрели сквозь пальцы на перевооружение Трансвааля, Оранжевой и прочих членов сегодняшней коалиции. Мы дали возможность Зулустану поглотить Намибию и эксплуатировать ее в целях юга. Мы специально создали себе в Южной Африке, в этом отдаленнейшем из всех возможных ареалов мира, относительно достойного противника. Он вырос и окреп. Можно было бы подождать еще, дать ему возможность начать вести более агрессивную политику по отношению к соседям. То есть создать хороший политический повод для вмешательства. Однако у нас нет времени, мы слишком долго ждали.

В мире накопились проблемы, которые уже в ближайшее десятилетие выльются в кризис. Но мы не зря все эти годы развивали свои вооруженные силы. Всяческие пацифисты, не понимающие, в какие времена проживают, постоянно критиковали нас за раздувание милитаризма. Пришла пора показать, что наши вооружения накапливались для дела. В теперешних условиях, когда годной для добычи нефти осталось не более чем на пятнадцать лет, необходимо что-то предпринять. Сейчас мы знаем, что в условиях сегодняшней промышленной конкуренции невозможно совершить рывок в новые – ненефтяные технологии. Если мы займемся переходом в новую реальность сейчас, мы неизбежно проиграем экономическую войну в текущий момент. И когда нефть кончится, мы будем совершенно безоружны перед лицом кризиса. К тому же это будет не просто кризис, а воистину катастрофа цивилизации сегодняшнего типа. Но мы знаем, как спастись. Единственный путь – это продлить век нефти еще на одно-два десятилетия. К сожалению, ничего не обходится без жертв. И жертвы будут большие.

Господин президент, – голос министра впервые приобрел скорбные нотки, – нам необходимо не больше и не меньше, как отсечь от основных потоков энергии всех наших конкурентов. На сегодняшний день девяносто пять процентов оставшейся на Земле нефти сосредоточено на Ближнем Востоке. То, что там добывается, должно принадлежать нам, и только нам. Пришла пора приводить в исполнение план «Ковчег». Даже библейский Ной не мог спасти всех, он брал каждой твари по паре. К большому огорчению, и мы тоже не способны спасти мир сегодняшнего типа. Однако если за счет переключенного на себя ресурса мы выиграем полтора-два десятилетия, то наверняка шагнем в век новых технологий и тогда поможем отринутым ныне.

– Послушайте, Шеррилл, – сморщился президент США, – давайте не вдаваться в далекую футурологию. Заострим внимание на текущем моменте.

– Так вот, – ничуть не смутился замечанием министр Шеррилл Линн. – К величайшему сожалению, для выигрыша этих десятилетий нам не достаточно отеснить от нефти азиатских конкурентов, то есть Китай, Японию и прочих. Придется «перекрыть трубы» нашему всегдаш-

нему партнеру и союзнику – Европе. Сделать такое – это не просто вогнать их в кризис, а по большому счету умертвить их экономики.

– Это война, – констатировал президент Америки – Буш. Поначалу в народе, а теперь уже и официально в Белом доме он стал именоваться Буш Пятый. Это числительное наименование, подобное королевскому, стало производной от того, что он происходил из семьи, сумевшей за относительно короткий исторический период усадить в кресло главного администратора страны вот уже пятого отпрыска. Так что это был уникальный род потомственных президентов США.

– Да, война, господин президент, – кивнул гражданский министр обороны. – И война со всем миром. Такая война, даже без использования ядерного оружия, – неприемлема.

– Мы что, не сможем ее вести? – спросил Буш Пятый.

– Сможем, господин президент. Мы вооружены и подготовлены лучше всех. Но в этом случае мы скатываемся к очень нежелательному сценарию развития событий. В нем допустимы самые непредсказуемые варианты вплоть до соскальзывания в обмен ядерными ударами стратегической мощности. У кого-то из подавленных нашей силой противников могут не выдержат нервы. – Шеррил Линн изобразил скорбную мину. – Именно поэтому нам нужно действовать непрямыми методами, но достаточно быстро. Когда-то, в далеком уже прошлом, мы могли играть со своими противниками в кошки-мышки, изматывая их десятилетиями. Яркий пример такой политики – холодная война с канувшим в Лету СССР. Сейчас такое невозможно. Нужна умопомрачительная скорость решений и действий. Мы проведем настоящую, но все-таки демонстрационную войну. Предшествующая администрация и мы с вами взрастили себе противника. Он достаточно серьезен, но в то же время сравнительно слаб.

– Снова кошки-мышки? – Президент не глядя играл с виртуальным монитором. На его столе то возникала, то исчезала достаточно большая панель экрана.

– Господин президент, мы с вами прекрасно ведаем, что Америка способна выстоять и в прямых столкновениях. История неоднократно доказывала это. Однако сейчас оптимальный вариант не этот, а именно задуманный.

– Продолжайте, продолжайте, господин министр. Я вас внимательно слушаю.

– Это будет классическое действо нового времени, но несколько в стиле ретро, – пошутил докладчик. – Ведь мы бы могли не проводить никакой концентрации, а осуществить нападение в обстановке полной внезапности. Наши спутниковые разведывательные группировки накапливают достаточно информации для первичного удара по любому региону. Укрупнение группировки космических систем наблюдения мы способны произвести уже во время конфликта и достаточно быстро. Наши стратегические силы – в данном случае речь идет о стратегической авиации – способны за считанные часы выйти в зоны пуска ракет и делать это многократно снова и снова. Уже в первом ударе мы обладаем возможностью послать по врагу несколько тысяч высокоточных ракет, которые совершат обезоруживающую атаку. Она превратит в пыль и бессмысленное железо все значимые объекты противовоздушной, противокосмической и противоракетной обороны, а также создаст вакуум в структурах управления армии и государства. Затем, после уточнения обстановки, мы способны не торопясь наносить последующие удары. В случае необходимости, также в считанные дни, мы способны сконцентрировать в нужном регионе морскую мощь. Я имею в виду корабли – носители высокоточных ракет, а также авианосцы.

Однако сейчас, после взвешивания множества вариантов, после неоднократных совещаний с начальниками штабов, лучшим политическим ходом признано другое решение. НЮАС слишком слабый противник, даже после нашего тайного пособничества его перевооружению. Уже после первых часов войны в вышеуказанном варианте он окажется на коленях. Но ведь наша цель не разбить Новый Союз в краткосрочной кампании, а продемонстрировать миру наши способности воевать в тяжелых условиях. Кстати, вы, разумеется, знаете, что многие страны серьезно, но тайно помогают перевооружению республик Южно-Африканского Союза.

Они хотят сделать встречный ход. Добиться, чтобы мы проиграли войну, а значит, оставили свои планы спасения от грядущего кризиса. Наши разведывательные службы специально не мешали этим планам конкурентов. Ибо – повторюсь – чем сильнее будет противник, которого мы разобьем, тем большим уроком это окажется для других. Так что НЮАС в настоящий момент является чем-то вроде пешки, которую прикрывают со всех сторон тяжелые фигуры. Мы должны несколько подыграть нашим противникам вначале, позволить им проявить себя в поддержке нашего врага. Потом, после победы, это будет хорошим поводом для «обрезки трубы».

И значит, господин президент, поначалу мы начнем вести войну в поддавки. Уже сейчас мы постепенно усиливаем спутниковую группировку. Понятно, что она нам пригодится, но вообще-то это демонстрационная акция. Вслед за нашими стали изменяться орбиты космических группировок наших потенциальных противников. Мы им, естественно, не препятствуем. Кроме того, мы направляем к Южной Африке военно-морские силы. Это тоже не может остаться незамеченным. Так что и сам НЮАС, и его тайные союзники смогут подготовиться к нашему нападению.

– Вы полностью уверены в правильности этого плана, господин Линн? – спросил президент, следя за мультипликацией на экране виртуального монитора. Там, возле рельефной карты южной оконечности Африки, происходила концентрация стекающихся отовсюду значков кораблей и самолетов.

– По возможности наши вооруженные силы будут использовать старые запасы: ракеты, которые на сегодня уже считаются устаревшими, – продолжал министр. – У нас их вполне достаточно. Вначале мы нанесем удар всего тысячей боеголовок этих самых старых типов.

– С подводных лодок? – поинтересовался президент.

– Нет, смотрите, – министр обороны сделал приглашающий жест в сторону монитора. – У нас нет достаточного запаса ракет, стартующих из-под воды. Те, что были, давно растрочены или проданы. Это чистая экономия. Такие ракеты в полтора раза дороже обычных, то есть стартующих с надводных кораблей.

– Я понимаю, что такое экономия, Шеррилл, но, положив руку на сердце, нам бы не помешали такие ракеты и сейчас, а?

– Они нам абсолютно не нужны, господин президент. Мы полностью доминируем в морях. От кого нам прятаться? Даже все наши враги, вместе взятые, не имеют на плаву столько современных военных кораблей. Я продолжу? Вот смотрите, корабли-арсеналы и воздушные носители произведут первые удары и уйдут пополнять запасы. Мы подождем реакции нашего противника. Он не имеет сил стратегического уровня, так что нашей метрополии ничего не грозит, разве что террористы. Ну так под этим дамокловым мечом мы живем испокон веку. Тем не менее мы не собираемся вести войну только крылатыми и гиперзвуковыми ракетами. Мы собираемся задействовать авиацию. Вот здесь, на границе Индийского и Атлантики, мы соберем нашу «боевую линейку».

– Правильно, Шеррилл, пусть докажет свою необходимость. – Буш Пятый любовался движущимися по экрану кораблями.

– За счет этого мы не только сможем иметь базу для авиационных носителей любого класса, что, кстати, позволит уменьшить их «шастанья» туда-обратно. На «линейку» мы перебросим запасы ракет и все прочее. Помимо этого, надо дать встряхнуться нашим засидевшимся без дела морским пехотинцам. Пусть потренируются в высадках на побережье. Разумеется, когда это будет совершенно неопасно. После многодневной, а лучше даже многонедельной «обработки» территории Нового Союза.

– В общем, все по согласованному плану, да, Шеррилл?

– Абсолютно, господин президент.

– Знаете, Шеррилл, хотя в душе мне несколько боязно, я рад, что мы наконец начнем.

– Я тоже, господин президент. Пора показать миру, кто в доме хозяин.

14

Паровоз воспоминаний

Так что с «аэро», да и вообще «мобильностью», в настоящих боевых частях имелись проблемы. По крайней мере в частях сухопутных войск Дальнего Востока, куда и попадали выпускники БВАМКУСВР. Это угнетало. Выходит, все эти вытряхивающие душу «вертушечные» десанты, эти бесконечные теоретические и практические «вертикальные охваты» – все это курам на смех? Нет в настоящей армии ни должного для сброса десанта запаса топлива, ни даже ставших достаточно привычными «черных касаток». Правда, что обидно, но в целом честно, при отработке тех же «вертикальных охватов» русские курсантские роты в основном обязывались держать оборону и противостоять этим самым «охватам». Это называлось без всяких яких, прямо на оперативной карте: «красные» в обороне – «желтые» в наступлении! Кто спорит, неужели какой-то из сегодняшних жителей России или даже Новой Золотой Орды вынашивал маниакальные планы завоевания Китая?

В этом контексте странно выглядел старый, сделанный из бумаги учебник военной истории, явившийся в казарму неизвестно откуда. Там с хроникальными подробностями и даже с картами излагался ход какой-то Маньчжурской наступательной операции, вроде бы даже проведенной в 1945-м. Скорее всего фантастика – отголосок инструкции к популярным некогда романам альтернативной истории. Умерла та «альтернативка», поскольку была рассчитана на читателя, имеющего хоть приблизительное представление о настоящем прошлом. После того как в школах отменили предмет, его изучающий, как слишком перегружающий психику детишек, нужные читатели автоматически вывелись. По поводу таинственного фолианта один казарменный умник – водился в роте такой странноватый парень Вася с корейским лицом – предполагал, что это какие-то маниакальные, но неосуществленные планы диктатора Сталина. Но ведь участвовали в придуманном конфликте абсолютно мифические страны. Невероятно крупный Советский Союз вторгся в границы каких-то континентальных владений Японии. Неужели диктатор Сталин увлекался фантастикой? «Корейца» Васю засмеяли.

Так вот, на отработке «вертикальных охватов» в четырех случаях из пяти в «касатках» летали «желтые». Ну что ж, кто платит, тот и заказывает музыку.

Однажды оказалось, что отшлифованный тысячами путей, по которому бывший суворовец, ныне курсант, а в будущем «аэролейтенант» с неизбежностью переносится в прошлые века – в пеше-окопо-блиндажные декорации, не есть единственный. На него натолкнул приятель со старшего курса-батальона. Он любил висеть на разбросанных вокруг казармы турниках не хуже, чем китайские братья-товарищи.

– Зачем тебе это надо? – интересовались у него все встречные «аэромобилисты». – Кому сейчас нужен этот атавизм – мускулатура? Это даже не модно!

Обычно он отвечал уклончиво, нечто типа: «Чхать я хотел на моду!» или «Мне нравится», а иногда: «А почему бы вам не спросить это у „желтых“?» Однако сейчас решил поделиться своими секретами:

– Я делаю себе товарный вид.

– Что?!

– Что слышал. Ты вот что собираешься делать, после того как дадут офицерские «наплечники»? Командовать уборкой снега на окраине Комсомольска-на-Амуре? Хорошая перспектива, тем более когда тебя в чине майора выпихнут без пенсии вон. Дворником, в том же Комсомольске, тебя возьмут вне конкурса. Ведь куда еще ты рыпнешься, имея там квартиру, которую некому продать? Разумеется, это в случае, если ты попадешь в областной центр. Если

нет, дело дрянь. Неужели ты для этого загубил детство во славу Суворова, а юность подарил – вернее, даришь – нашему родному Аэромобильному?

– Ну...

– Вот тебе и «ну»! Именно против такого будущего я и делаю себе товарный вид. Буду продаваться.

– Продаваться?! В смысле по органам?

– Дурак! Зачем бы я тогда просиживал ночи над схемами «каساتки» или держал по часу утюг, а? – Он имел в виду отработку привыкания к удержанию пистолета в неподвижном положении – упражнение из снайперского комплекса.

– Так что же?

– Только не рассказывай всем подряд.

– Разумеется, могила.

– Пойду в наемники.

– В наемники? Куда? К китайцам?

– Не смейся. У них своих некуда девать. В другие регионы. Я ведь еще и на английский нажимаю. Лучше всего – в теплые страны. Я ведь и в это БВАМКУСВР не просто так пошел. Можно ведь было в какие-нибудь ракетчики. Но мы – пехота, тем более «аэро», ценимся больше всего. Точно не знаю, но побывавшие рассказывают, за сезон можно взять то, что ты в своем гарнизоне – за весь свой «четвертак» до обещаемой пенсии. Можно вообще потом осесть за «занавесом».

– Но там ведь придется воевать по-настоящему?

– Ну и что?

– Могут ведь того...

– Понятное дело, но чем лучше подготовлен, тем меньше вероятность.

– Но ведь там еще придется кого-нибудь это...

– А ты на кого учишься, на дизайнера?

– Нет, но...

– Так ведь тебя этому и учат, и, насколько могут, грамотно. Опять же, «желтые» рядом. Тоже можно при случае чему-нибудь научиться. У меня тут один знакомый – Ин-Ди-Ган – такие приемчики показал. Опять же язык: почти половина населения «шарика» – китайцы.

– Толку от тех приемов? Пули изрешетят, не успеешь приблизиться.

– Это для того же товарного вида. Те, кто тебя купит, с тобой в джунгли не пойдут. Покажешь, кроме бицепса, еще и какой-нибудь удар – заплатят вдвое больше. Кумекать надо. И зарплата будет не в рублях, даже не в юанях, а сам понимаешь в чем...

– Так ведь сейчас запрет на валюту!

– Это сейчас запрет. Он невечный. Ты что, уже выучился, салага? И потом, вся она конвертируемая. Так что не ленись, спать будешь в гарнизонах. Лезь-ка, братец, на брусья. Давай, давай! А то мне скучно быть сумасшедшим в одиночестве.

Дел стало больше, и жизнь приобрела какое-то подобие смысла.

15

Обзор сверху

Итак, к 2030-му головы, в два с половиной – три раза умнейшие, чем Петина, разрабатывали очередные вариации «Б». Точнее, новые виды того, что может пройти над головой тех, что с мотыгой, со скоростью двенадцать Махов. Это являлось еще развитием той, ставшей классической концепции «высокоточных парализующих ударов». Головы в полтора-два раза лучшие Петиной совершенствовали эти самые классические концепции. Обычно эти головы обрамлялись наплечниками золотых, орластых погон. Концепция «парализующих ударов» основывалась на том, что одна высокоточная ракета, способная наводиться с помощью спутниковой системы навигации, запросто заменит тысячу авиационных бомб девятистолетней давности. По мощи ее начинка в сто раз мощнее пороха, а попасть она может в покоящийся экран монитора. Даже учитывая некоторое противодействие и случайные сбои, в основу концепции брался постулат о том, что для поражения трехсот наиважнейших объектов какого-либо государства достаточно произвести пуск девяти тысяч ракет. В зависимости от размеров назначенной для удара страны и, значит, от траекторий полета ракет через два-три часа все указанные объекты будут поражены с предусмотренным загодя ущербом. Он может быть уничтожающим, а может быть и щадящим. Воистину здесь в полной мере воплотилась формула о том, что война – это есть продолжение политики другими средствами.

Естественно, в случае если цели войны предельные, то есть, к примеру, заставить миллионную армию комбайнеров-трактористов снова взвесить в руке мотыгу, то удар по тремстам объектам может считаться только началом дела. Ведь вернуть отвыкших за поколение-два комбайнеров в забытое прошлое нужно гуманно, без применения нехороших и почти запрещенных атомных арсеналов. Следовательно, необходимо разрушить не только основные железнодорожные узлы, нефтеперегонный и химические заводы, станции связи, здания администраций всех уровней, но еще сотворить богатые залежи металлолома из топливно-энергетической системы в целом. И кстати, вполне рационалистично, ибо действительно человека, у которого дома из крана течет вода, над столом горит настольная лампа, а детишки учат в школе астрономию, весьма трудно заставить по новой изобретать мотыгу. Как-то он с ней не смотрится.

Потому, в общем, на операцию возвращения индустриальной страны в каменный век, точнее, в следующую фазу – общинно-феодалного хозяйства, требуется приблизительно двадцать тысяч высокоточных ракет. По минимуму! Это могут быть крылатые ракеты, запускаемые с самолетов и кораблей, а также высокоточные баллистические ракеты, стартующие из далекой метрополии. Естественно, в это число входят и четыре тысячи ракет, предназначенных для уничтожения средств самообороны, то есть допотопных радиолокаторов, старых антенных решеток и новейших, основанных на пассивных методах обнаружения целей систем. И разумеется, средства уничтожения, опасные для воздушно-космического агрессора: в основном высокоточные и не очень ракеты и даже очень высокоскорострельные зенитные пушки с пламенным разгоном снарядов, способные перехватить крылатую смерть за пяток километров, хотя летит она, всегда и обязательно, ниже.

Если все идет по плану, то есть все эти пушки-локаторы, а также врытые в бетон и подвешенные в воздушных КП штабы и приемно-передающие станции связи успешно стерты с оперативных планшетов, то дальнейшее дело можно растягивать или сужать по календарю как угодно. Обычно, если ничего не торопит, медлительно и почти вразвалочку, в течение десяти-пятнадцати суток необходимо утюжить средства ответного удара или намеки на таковые. То есть системы, кои могут нанести увечья далекой метрополии или хотя бы силам передового базирования. К средствам ответного удара может относиться все, что угодно, начиная

от складов ядерных боеприпасов и кончая центрами государственного руководства. Между этими полюсами помещается море всего: аэродромы, радио, телевидение, энергетические комплексы, заводы, связанные с производством военной техники хотя бы косвенно, склады горючего и, естественно, все, что связано с инфраструктурой, – от автобанов до трубопроводов. Безусловно, в течение первых двух недель нивелируются только самые важные из названных предметов. Все последующее перетирается в пыль и ошметки во второй фазе. Здесь можно совершенно не торопиться и тянуть резину хоть три месяца кряду.

«Как долго, – скажет тот, кто впервые сталкивается с проблемой. – Неужели в войне так много определяет именно наслаждение этим потягиванием кота за хвост?» Но дело совсем не в этом. И даже не в том, что за такое время боевая авиация, точнее, «летающие платформы запуска», натаскает в страну-жертву восемьдесят, а то и девяносто тысяч ракет.

Дело в том, что именно здесь и наблюдается тот самый слабейший стык совмещения новейших технологий с реальностью. И военные, даже высокопоставленные, уж совсем ничем не рискующие, находясь в заокеанском Пентагоне, разве что возможностью угодить по дороге на службу в автомобильную пробку, даже они рады бы кончать все ловко и быстро. Но! Видите ли, эти новейшие технологии невероятно дороги. Черт возьми, понимаете, на них «пашет» весь родимый «Золотой миллиард», разогнанный трудом всего остального многомиллиардного подбрюшья человечества, а средств все едино не хватает. То есть всех этих хваленых самолетов-роботов, гиперзвуковых, радароневидимых «стелсов» – их ведь на вооружении не тысячи и даже не сотни, всего десятки. Кого больше, кого меньше. Уникальных воздушных двухсотметровых катамаранов «Бреадвинеров», подносчиков боеприпасов, способных заряжать бомбардировщики боевыми контейнерами прямо в воздухе, – всего два штуки. Два штуки на весь мир, точнее, против всего мира. Неужели вы думаете, что трех-четырёхзвездные генералы не прочь иметь их десятком, а то и два-три? Очень даже не прочь. Но стоимость «Бреадвинера», его чертова стоимость, вместе с его бортовым жидкометаллическим реактором, она ведь сравнима с новейшей лодкой-охотником. Нет, не равна, именно сравнима.

Так вот, время проведения высокоточной войны проистекает из того, за сколько авиация агрессора способна перетащить с метрополии эти самые девяносто тысяч ракет. То есть доставить их к рубежу пуска. Грузоподъемность каждого носителя ограничена. Время полета – это часы, а то и десятки. Если бы череда носителей хватало для загрузки всего, что имеется, то война бы кончилась в день. Однако их мало – десятки штук. Так вот, когда эти десятки пилотных и беспилотных бомбардировщиков перетаскают всю кучу, тогда и придет победа и конец войне. В 2030 году соотношении количества «груза» и «грузовиков» позволяло сделать это «перетаскивание» за семьдесят пять – восемьдесят суток, и никак не быстрее.

И тут ничего не сделать, ибо бюджет все еще по-прежнему самой богатой страны мира еле-еле тянет и тот военизированный воз, что имеется. Так что очень похоже, вроде бы лишенная тормозов гонка вооружений уже нащупала собственные пределы. Разумеется, не сама по себе, вместе со всем прогрессом Земли. Объяснимо это просто. Поскольку на гонку вооружений никогда не жалко, она наткнулась на забор первой. Если, конечно, это забор, а не конечная станция?

Что последует далее? Общество американского типа рассчитано на постоянный прогресс или хотя бы его имитацию. Но может ли имитации очень долго прикидываться движением вперед? Над этим наверняка раздумывают те, что умнее нашего знакомого Пети ровно втрое. Однако есть ли до сего дело остальным, тем, кто всего в два-полтора? Вообще-то, думают они или нет – значения не имеет. Упершийся лбом в стену прогресс в некоторых обстоятельствах вполне способен долго и молчаливо топтаться на месте. Однако на гораздо более ранних стадиях, а никак не на фазе так называемых высоких технологий. Отступление назад? Это выглядит совсем уж невероятным. Тем более осторожное.

И значит, единственный возможный финал – стагнация, коллапс и падение. Кто может быть готов к такой развязке?

16

Твердый грунт

Разобранный миномет, безоткатную пушку, противоракетную «иглу-7», боеприпасы ко всему этому, вообще все лишнее уже разместили на лошадях.

– Хорошие звери, – констатировал Потап Епифанович. Он стоял рядом с Германом и говорил не для всех. – Чувствую, скоро не только груз, а и мы сами будем на них ездить. Станем кавалеристами: «Шашки наголо!» Красота.

– Вообще-то на «вертушке» было бы быстрее. – Потап Епифанович все еще в хорошем настроении, и возражать вполне допустимо.

– Это в тебе сказывается опыт молодости – родное Благовещенское. Ты ведь, Герман, я подозреваю, заканчивал БВАМКУ... Как там его дальше-то?

– СВР, Благовещенское высшее аэромобильное командное училище Сухопутных войск России, – подсказал Герман, внимательно глядя на начальника. – Откуда вы?..

– Тсс, товарищ аэромобильник. – Глаза у Потапа Епифановича блестят. – Так вот, надо привыкать. Нефть в мире почти всю повыкачали, так что лошадки наши русские в самый раз. Хотя я бы их поменял.

– На вездеход?

– Нет, это снова дело обреченное. Опять топливо – бензин, солярка. Электрические что-то пока не прижились, да и где их заряжать. Сейчас у нашей Родины появился конкурент.

– Это в чем? – спросил Герман, размышляя, в какой области у России есть конкуренты, от которых она не отстает безнадежно.

– Казахские ханства начали разводить верблюдов. В смысле они их вроде бы всегда чуть-чуть разводили. Но теперь на экспорт. Я уже видел в одном городке выставку-продажу. Для этой местности, – Потап Епифанович обвел рукой окрестности, – они самое то.

– Но они, наверное, медленнее?

– Глупости! Да и какая разница? Мы же сами пока не скачем, а просто возим поклажу. Зато они мало пьют. В смысле делают это только перед дорогой, а потом никаких проблем.

– А...

– Здесь, возле Мозамбика, еще ничего. А вот на востоке... Там от лошадей проку мало. Их самих надо снабжать. Да и нагрузить на ту скотину можно гораздо больше. Раза в два как минимум.

– Понятно, майор.

И все тронулись в путь. Им предстоял относительно небольшой марш, потом бросок на вертолетах и снова марш – в спорную территорию. Там они могли столкнуться не только с бандами «переносчиков», но и с пограничниками Зулустана или Оранжевой. Вряд ли со всеми из них существовала договоренность о мире и согласии.

17

Кабинетные эмпиреи

Вообще-то бесстрастно-прямолинейный Шеррилл Линн безбожно врал своему президенту. И врал он не по незнанию, что, кстати, тоже не оправдание при его должности министра обороны, а по предварительному, хорошо продуманному сговору. Правда, целью этого сговора была не какая-нибудь афера, а разрешение все той же геополитической проблемы. В действительности она представлялась много сложнее, чем в мультиках, демонстрируемых президенту. Очень многие из незатронутых аспектов Шеррилл Линн неоднократно обсуждал с некоторыми из подчиненных военных. Следовательно, они вместе состояли в сговоре против главы исполнительной власти.

– Итак, Брук, прямое столкновение с Евросоюзом не принесет нам ничего хорошего? – интересовался элементарщиной министр обороны.

– Естественно, – пожимал плечами министр ВВС США, трехзвездный генерал Брук Теобалд, – в целом этот вариант может быть лучше, чем война с китайцами.

– Интересно чем?

– Одно дело коалиция, пусть и давно объединенная в целое. К тому же с проблемами на востоке. Совсем другое, цельный народ, ко всему прочему, умеющий терпеть трудности и даже голодать.

– Да, но в случае китайцев можно будет меньше церемониться. Они все-таки не наши бывшие союзники.

– Думаю, они в долгу не останутся. По крайней мере, если не дать им по мозгам с ходу. Однако, господин Линн, вы спросили о войне с европейцами. Скорее всего это выльется в обмен высокоточными ударами. Точнее, они попытаются это сделать. Разумеется, из-за того, что у них до сей поры нет мощных носителей ракет, ни морского, ни воздушного вида, а всякую мелочь, могущую нести всего несколько зарядов, мы собьем еще над Атлантикой, – нашей метрополии это не грозит. Тем не менее у объединенной Европы достаточно много средств перехвата. Так что там не удастся особо успешно использовать наши старинные запасы «томагавков» и прочего. Придется пользоваться то, что поновей, – да и здесь далеко не все будет доходить до цели. Разразится большая война во всем диапазоне высот. Нам это грозит тем, что мы растратим все, что у нас есть высокотехническое, и останемся на бобах перед возможной угрозой с Востока. Более того, зная о наших трудностях, Китай может совершенно обнаглеть. Ну, а в этом случае...

– Да, Брук, я прекрасно помню тот фильм, – кивнул министр обороны, ибо речь шла о показанном ему когда-то мультике с несколькими вариантами возможного столкновения в Азии. – Жаль, что у предшествующей администрации не получилось столкнуть «желтых» с Россией. Такой повод упустили.

– Тем более что мы и терпели-то русское перевооружение, дабы создать противовес этим коммунистам, – посетовал министр ВВС.

– Если б только им, – почти горестно произнес Шеррилл Линн.

– Понятное дело, и Европе тоже, – поддакнул начальству Брук Теобалд.

– По-моему, господин летчик, мы ушли от темы. – Голос гражданского министра снова вернул обычную твердость. – Мы говорим о столкновении с НЮАС, так?

– Конечно, господин Линн, о чем же еще, – совершенно командирским тоном согласился генерал ВВС. – Итак, наша, точнее, все-таки ваша, господин министр обороны, задача уговорить президента на проведение ограниченной высокоточной войны. Ведь и вы, и я понимаем, что Буш Пятый никак не согласится на нечто другое, то, что действительно требуется. А и мы

с вами, и кое-кто еще прекрасно знаем, что для достижения поставленных историей политических целей этого мало.

– Я бы даже назвал это «цивилизационными» целями, – дополнил Шеррил Линн.

– Пусть так, господин министр. Мало того, что в случае высокоточной войны мы растратим непозволительно много ракет там, где спокойно можно отыгаться обыкновенной, даже не беспилотной авиацией. Так еще это не даст нам никаких политических преимуществ. Мы с некоторыми военными взвешивали ситуацию. Вы ведь в курсе, единственное, что приструнит китайцев, а уж тем более введет в шок Европу, это...

– Ограниченный ядерный удар, правильно?

– К сожалению, неправильно, господин Линн. Ограниченный удар способны нанести сейчас многие. Для этих самых демонстрационных целей нам придется раскатать Новый Южно-Африканский Союз совсем. Только тогда, наверное, точнее, наверняка, весь мир поймет, что мы не шутим, и не будет сильно таявкать, когда мы перекроем нефтяные клапаны.

– Знаете, Брук, я человек гражданский, напомните мне, пожалуйста, сколько на это потребуется зарядов?

– Была бы только моя воля, я бы сбросил сотню.

– Не многовато ли?

– Понятно, многовато, господин министр. Но только это покажет, что мы не будем церемониться ни с кем.

– Президент не пойдет на такое, Брук.

– Конечно, не пойдет, но вы сами вместе с нашими секретными службами утверждали, что сможете обеспечить ситуацию, которая вынудит его согласиться.

– Вам так не терпится надавить кнопки, господин генерал?

– Я солдат и для своей страны сделаю что угодно, – снова со скорбью в голосе доложилась министр военно-воздушных сил США. – На всякий случай я составил план действий.

18

Твердый грунт

Леса здесь были гораздо гуще. Что, кстати, странно, ибо ранее отряд находился в зоне тропиков, а сейчас все-таки – субтропиков. В густоте имелись свои плюсы, но и свои минусы. В данной ситуации минусы перевешивали. Густой лес сводит на «нет» преимущества меткости и дальноточности ручного оружия. Разумеется, поскольку природа бесстрашна, папоротниковая поросль одинаково здорово маскирует и тех и других. Но ведь ставящие засаду загоняют проигрывают в числе, и, значит, густота зарослей все же на стороне тех, кто идет «в ловушку». Их придется подпустить ближе, и тогда имеются шансы сойтись вплотную – в старой, недоброй рукопашной. А потому вначале древний друг раскинувшего силос – дистанционно подрываемая мина. Естественно, не в единственном числе, но и не в массовом масштабе: грузоподъемность воронежских лошадечек ограничена. Но все же какое-никакое, а подспорье приунывшим минометчикам. Им тоже не нравится этот лес. Не нравится из-за дополнительной работы по очистке торчащих сверху, над позицией, веток. А еще, их мины будут иметь меньший радиус разлета осколков. Досадное обстоятельство для экономных натур.

И надо же именно в этом месте, или примерно в этом месте, им нужно перехватить удовлетворенно отступающих «переносчиков». Можно ведь было, наверное, выбрать район перехвата где-нибудь еще? Где-нибудь возле спрятанных на берегу притока Лимпопо лодок? Или все-таки нельзя? Закончились боеприпасы у штатных кормильцев болотных пресмыкающихся? Или не решено что-нибудь с входящей в Новый Союз Оранжевой Республикой? Что-то там не так с дележом территорий отстрела пришлых бродяг? Но уж кто платит, тот и заказывает музыку. Этот кто-то любит жесткую, приглушенную насадками мелодию плазменных винтовок. Ну что ж, группе Потапа Епифановича «Ахернар» придется ее исполнить. Исполнить именно там, где заказано. И даже постараться, дабы дружно и правильно, как по нотам, сыграл весь оркестр. За отсутствием контрабаса и флейт им будет аккомпанировать миномет и беззвучный световой скальпель Соранцо. А также, заменяя арфы, притороченные на деревьях дугообразные мины направленного взрыва. Ну что ж, господа пришельцы с севера, просим, просим на концерт! У вас нет приглашения? Ну что ж, сюрприз будет. Билеты за вас уже оплачены. В новых американских долларах, как положено. Тех, которые, по заверениям торговой палаты, на этот раз обеспечены золотом Форт-Нокса. Поди проверь? Интересно, подпустят к хранилищу хотя бы на пятидесятикилометровый радиус?

Но две тысячи тридцатые – это годы еще не угасшей веры в прогресс технологий. Хотя место для засады и неудачное, вовсе не нужно устраивать военный совет. У Потапа Епифановича надежнейший союзник, припрятанный где-то на поясе. Микро-ЭВМ «IBM-4000». Не бьется, не ломается, не страдает похмельем, всегда бодр и свеж, имеет внутри математически обобщенный опыт тактики со времен Сунь-Цзы. Включаем, даем подробную аэро съемку местности, наличное вооружение, количество боеприпасов, состав противника, его скорость, примерный маршрут и прочее. Трогаем сенсор – получаем результат. Время подхода врага; освещенность в зависимости от времени суток, понятно, с учетом наиболее вероятной погоды; схема размещения группы; зоны обстрела; интенсивность огня в первую минуту; смена позиций гранатометчиков; смещение огненного вала дальнего миномета; четкость мгновений инициации закрепленных загодя мин. Что еще? Да, возможные потери. Плохо. Многовато будет! Переиграть! Изменение схемы. Вот этот пулемет ближе к кустам, этот левее. Автоматчики-плазменники – удар, и тут же – оттяжка, отход, заход с флангов. Что? Потери меньше. Двадцать вероятных процентов экономии. Зато враг рассредоточивается, и кривая его урона заметно клонится вниз. Маловато будет! Переиграть! Глупости, дел на пять секунд. Может,

даже специальное, предусмотренное конструкцией замедление, секунды на три, дабы неторопливое млекопитающее – Потап Епифанович – верило, что машина испытывает муки творчества и напрягается.

Что получаем? Пересечение зон обстрела, повышенная плотность огня, миномет работает по дальним подступам, так... График потерь алгебраически упрощенных «переносчиков» пополз ввысь. Зато... Мать честная! Прорыв прямо по центру. Потери среди сотворивших засаду «игреков» пятьдесят процентов в пределе. Правда, с вероятностью всего в восемнадцать. Но машина и сама все понимает, так выпендривается. Подмигивает индикаторным глазом: мол, что, и пошутить нельзя? Но ведь сами просили? Вот и получите, распишитесь. Нет, расписываться покуда не будем. Время есть, прошлые откинутые варианты в памяти – завсегда вернемся, если надо.

Пробуем все по новой. Итак, сдвигаем «плазматиков» еще на фланги. Для скорости их пуль пятьдесят метров туда-сюда вроде бы не в счет. Однако подлая машина «IBM» резко задирает расход боеприпасов в первые полторы минуты. Что там те полторы? А вот то! На весь бой отведено всего десять. Ибо остатки виртуальных зимбабвийцев рассеиваются так, что пришибить их можно только залпом многоствольного «урагана» с химической начинкой, да еще уложенным по ветру, дабы милый сердцу хлорциан стелился в нужную сторону. Однако нет «урагана» и нет боеприпасов с хлорцианом, а есть то, что есть. И значит, напрягаем мини-компьютер еще разок. Рассматриваем новую вариацию. Здесь вам не чемпионат по шахматам, здесь за стволами «плазмобоев» знакомые по жизни лица. Не хочется включать их в пятьдесят процентов, пусть и с восемнадцатипроцентной вероятностью. Ой, не хочется! Но пока и не надо. Время еще терпит. Прибыли мы на место чуть ранее назначенного срока. Не подвели воронежские лошаденки, хоть они не из века компьютеров, а прямиком из Средневековья. Итак, смотрим на пересечение линий обстрела. Да... Убрать бы здесь одну-другую сотню деревьев. Но нельзя. Явившиеся сюда бушмены не дураки. Очищенную и подготовленную к расстрелу площадочку они точно заметят, а скорее загодя почувствуют. И пропадет досконально рассчитанная засада зазря.

И потому смотрим графики-схемы. Не зря, не зря в курсантском прошлом учили не только стрелять, но и интегральным манипуляциям. Напрягает не молодые, но бодрые извилины, морщит задубевшую кожу лба Потап Епифанович. Он хочет перехитрить не кусок сложно слепленного металлокерамического сплава. Он жаждет оболванить будущую реальность. Свести двумерные графики в идеальный вариант. У него еще имеется время. Хотя, конечно, это действительно не шахматы, и число вариаций упирается в бесконечность. Кроме того, в отличие от шахмат здесь могут вклиниться непредвиденные, отсеченные загодя факторы. Например, какие-нибудь пограничные патрули Оранжевой Республики и Зулустана. Почему нет? Разве где-то говорилось об отработанной договоренности?

И Потап Епифанович тычет пальцем в экран и, почесываясь, механически давит на щеках прорвавшихся насекомых. Прорвавшихся через обещано непреодолимую защиту антикомариного спрея.

19

Паровоз воспоминаний

– Этот русский ничего, – сказал англичанин на английском, показывая на него пальцем. – Отшлифовать, что-нибудь получится. – Затем поманил пальцем и на достаточно чистом русском спросил: – Какое училище ты заканчивал, друг?

Разумеется, этого нельзя было говорить. Наемничество преследовалось как международное преступление. Корни, откуда ты вышел, требовалось маскировать, ибо когда-то ты захочешь вернуться, а там тебя уже будет дожидаться Интерпол. И потому только улыбочка и непонятный для иностранцев ответ:

– Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь.

Однако в тире по движущимся он отстрелялся не как-нибудь и в атавистическом уклонении от ножей-палок тоже продемонстрировал представление о чем-нибудь. Так что Благовещенск оказался не совсем зряшной потерей времени. Разумеется, он уже знал, что система подготовки нынешних российских офицеров не слишком ценится Западом. А может, и никогда не ценилась. Откуда им было ведать, что он закончил «аэромобилку», у которой хватало юаней на содержание настоящей летающей техники, а не только тренажеров? Зато нанимателям явно приглянулось его знание китайского. Английский в счет не шел – это само собой разумеющееся обстоятельство.

Кстати, неизвестно точно, как в свое время прошло просачивание в наемники у сотоварища со старшего курса, но у него – без особых эксцессов. (Кто-то с большими деньгами и с явным намерением иметь еще большие навел превосходные «мосты» для наемников из стран – осколков России и прочих осколков стран бывшего СНГ, так сказать, осколков второй очереди.) Конечно, пришлось перепрыгнуть некоторые препоны. Но что неожиданно, в основном поставленные внутри собственной головы. Не каждый это умеет. Не каждый, например, способен, затратив годы на получение золоченых «наплечников», внезапно снова снизойти до положения рядового. А ведь так и получалось. Допустим, не этого ли можно было ожидать после такого вопроса нанимателя:

– Ты в джунглях бывал?

Что можно ответить?

– Ну, вообще-то нет. Но в тайге ориентируюсь.

Кто вас после этого поставит старшим отряда? И так по многим пунктам. Так что...

Здравствуй, старая курсантская лямка! Мы по наивности думали, что расстались с тобой насовсем!

Впрягаемся в оглобли.

20

Твердый грунт

– Туды его в качель! – говорит Потап Елифанович на родном русском. Иностранцы группы уверены, что сказано нечто, имеющее смысл. Но как еще выразить эмоциональную бурю, клокочущую внутри. Четко отработанная и свинченная партия в шахматы сыпется, брякается об пол беспорядочным скопищем фигур; прыскают, теряются в зарослях ковра мелкие незначущие пешки. Все подстегивания электроники, многочасовые сосредоточения человека над микроэкраном, все зазря. Там, у края электронной развертки местности, появился новый фактор. И это не какой-то незначительный и в первые секунды необъяснимый загиб графика потерь виртуального противника, вызванный, оказывается, экстраполяцией уточненной сводки погоды. Это реальный слон, а может случиться, и ферзь, вдвинутый в просчитанную плоскость черно-белого поля из непредсказуемой трехмерной реальности. Тяжелая фигура, помимо прочего, мерцающая неясностью цвета. Кто это? Друг? враг? или нейтральный фактор?

– Это пограничный отряд «оранжевых», – поясняет Потап Елифанович, тиская сенсор управления родной «IBM». – Черт знает, что у них на уме?

– Разве они заинтересованы в помощи зараженным? – Задавший вопрос Герман в принципе не ждет ответа. Он прекрасно понимает, что в жизни бывает всякое. Однако командир отряда «Ахернар» снисходит до также ничего не значащих пояснений.

– С точки зрения закона что мы, что «переносчики» – одинаково нарушители границ. Но мы лучше вооружены, а следовательно, опаснее.

– Если они рационалисты, то лучше обойдут.

– Неизвестно, какой у них приказ. К тому же мы не знаем их боевого оснащения. Возможно, они тоже не могут определить наше, и тогда, по их мнению, мы довольно малочисленная группка, с коей можно безопасно потягаться. По крайней мере нас меньше, чем зимбабвийцев.

– А они точно нас заметили?

– Вообще-то мы и этого не знаем, – пожимает большими кевларовыми плечами Потап Елифанович, – но когда здесь завяжется бой, не услышать будет весьма трудно. Придется делать перестройку боевого порядка. Ослаблять давление на «переносчиков». Вывести в тылы подвижный резерв. Давай, милая, считать! – Он снова склоняется к экранчику и шевелит пальцем сенсор подачи команд. Там снова плетутся паутины графиков и разуплотняются секторальные плоскости зоны огня.

21

Обзор сверху

В 2030-м южная окраина Африки еще не представляла собой того очага хаоса, коим явилась после, однако пора глобальной централизации там тоже миновала. Давно распалась когда-то уверенно нацеленная в техногенное будущее Южно-Африканская Республика. И вроде бы не из-за ярко выраженного внешнего давления, ибо соседи ее как были, так и остались некими подчиняющимися стихийным процессам образованиями. Возникшие на ее территории Трансвааль, Азалия, Оранжевая, Зулустан и Южная Африка тем не менее умудрились не развязать между собой значительных истребительных войн. Региональные конфликты держались в нормах, привычных для начала нового тысячелетия. У мелкокалиберных правительств этих маленьких стран хватало мудрости смотреть сквозь пальцы на межплеменную вражду, ибо решить возникшие проблемы с нехваткой пресной воды, продовольствия и прочего неизбежного дефицита было уже принципиально невозможно. Единственно, когда эта этническая рябь перерастала в нечто, выплескивающееся за край, то правительства принимали жесткие меры, привычные для времен отправленных в утиль демократических ценностей.

Не исключено и даже логически доказуемо, что когда-то гордая ЮАР развалилась все-таки не без внешней помощи. Эта «помощь» имела скрытый характер и была оказана издалека. Ну что ж, «разделяй и властвуй» – древнее правило, реализующееся повсюду. Однако очень часто все в истории возвращается на круги своя. Вот так и здесь достаточно недавно возникший Новый Южно-Африканский Союз включил в себя не только территорию бывшей ЮАР, то есть все вышеперечисленные государства-кролики, но еще и прихватил когда-то спорную Намибию. Опять же, было это объединение вызвано чисто внутренними хозяйственно-социальными нуждами или обуславливалось родившимися где-то новыми факторами игр-соревнований между всегдашними геополитическими центрами, кто знает?

Тем не менее факт есть факт. В настоящее время Новый Южно-Африканский Союз был самым сильным военно-экономическим образованием Африки. Вообще-то в чисто военном отношении он был даже сильнее, чем об этом думали многие. Одновременно эта замаскированная мощь сочеталась с кучей внутренних проблем, вызванных объединением. Возможно, само наличие таковых неувязок действовало в качестве маскировки, а может, они были неизбежными спутниками воцарения на земле транснациональных монополий, имеющих капиталы, сравнимые с бюджетом всего Черного континента? Кто знает? Истиной является лишь то, что эти самые капиталы редко удается выдернуть и вернуть в социальную сферу, откуда они по большому счету украдены.

Так что отряд наемных командос решал сейчас вроде бы внутрисоюзную проблему, одновременно касающуюся невыпячиваемых пограничных инцидентов между Трансваалем, Зулустаном и Оранжевой. Вообще-то даже в этом межпограничном ключе проблема при внимательном рассмотрении становилась многогранной. Так, на самом деле банды «переносчиков» являлись не из Зулусии, а из Зимбабве. По пути они, кроме того, пересекали территорию Ботсваны. Это те, кто двигался по суше. Некоторые особо наглые или просто лучше оснащенные спускались вниз по какому-нибудь притоку Лимпопо, до нее самой. Там они разворачивали свои снабженные моторами лодки и поднимались вверх, по изрядно помелевшей пограничной реке. В таком случае они обычно и возвращались так же, следуя уже по течению и экономя горючее.

Иногда этим «водоплавающим», берегущим силы для распространения СПИДа, не везло. Они не успевали спрятаться до прохода пограничного катера и тогда быстро расплачивались за пересечение границ и, наверное, за все остальное одновременно. Имея на катере пулемет

прошлого века выпуска, очень легко дырявить моторные лодки, даже вместе с экипажами. А стрельба по торчащим из воды головам – это вообще уже не боевая операция – соревнование по попаданию в дыни: расколется – не расколется; ставка – один южноафриканский рэнд. Разумеется, новый – введенный в обращение после девальваций, инфляций и прочих «яций» рэнда старого, того, что еще ранее подпирался неистощимыми алмазными копиями. Кстати, после использования одного-двух боекомплектов пограничный катер обычно стопорил ход. Ведь стрелковые занятия всегда сопровождались дополнительным остросюжетным концертом – река Лимпопо не зря называлась Крокодиловой. В темной, болотистой жиже происходил пир на весь мир. Но кое-что можно было подсмотреть и с поверхности.

А почему правительство НЮАС не поднимало вопрос о «переносчиках» в связи пересечением ими границ Зимбабве, Ботсваны и прочего где-нибудь на межправительственном уровне? Да потому, что Организация Объединенных Наций давно скончалась, не породив перед угасанием ничего стоящего. Но был еще момент, который лучше всего пояснял Потап Елифанович Драченко, когда его донимали особо грамотные подчиненные:

– Вы знаете, что такое берег слева от Лимпопо? Я знаю, пришлось как-то... Это непроходимое сплетение мелких речушек. Никакой джип там не протиснется. А вертолетов у всего нынешнего королевства Зимбабве – кот наплакал. Да и на черта королю, выходцу народа матабеле, решать проблемы юга? Разве ему самому нужны эти «переносчики»?

Так что по большому счету группа наемников, в которую входил Герман, занималась сейчас только одной из банд, которая просочилась через пограничный прострел Нового Южно-Африканского Союза. Этот прострел простирался от реки Лимпопо до реки Молопо, теряющейся где-то в зное пустыни Калахари. Но хуже всего было то, что сам прострел являлся спорной территорией между ныне объединенными, но все же имеющими разногласия республиками. На эту территорию претендовала Новая Республика Трансвааль, призывая в помощь историческую справедливость, и Новая Оранжевая Республика, которая опиралась вообще неизвестно на что. Однако, кроме того, здесь любили хозяйничать пограничники Республики Зулустан, также входящей в НЮАС и также считающей территорию левобережной Лимпопо своей, своей до самой Ботсваны.

Не попадал ли отряд «Ахернар» между трех огней?

Очень и очень вероятно.

22

Твердый грунт

– Опасны не пограничники сами по себе, – растолковывал Потап Епифанович. – Опасно то, что они могут вызвать подмогу.

Это и так всем ясно, даже компьютеру. Не зря его графики распределения вероятности расширили вариации кривых. В игре сплошные джокеры, и они у противника. Обидно и досадно, ибо до реализации того, исходно продуманного боя остаются какие-то двадцать минут. Первичный враг уже на подходе. Кружат в лазури неба над ним доблестные, маленькие разведчики. Снова в зрачке у каждого бойца отряда «Ахернар» выверенная микролазером картинка. Идут, движутся по лесу нестройные, разболтанные колонны распространителей вируса. Сейчас бы занять однозначно выверенную позицию и...

– Да, сейчас занять бы позицию и... – глотает слюну Потап Епифанович. Ему обидно не за скользящие мимо ладоней новодолларовые пачки. Обидно за затраченный до сего момента труд.

– Итак, у нас два варианта действий, – обращается он по связи ко всему отряду. – Можно попытаться провести бой с «переносчиками». Даже если отряд «оранжевых» нас и обнаружит, ему еще нужно добраться сюда. Кроме того, мы доподлинно не знаем их реакции. Может, они абсолютно не захотят вмешиваться? Да и они по большому счету опасны только возможностью вызвать подмогу. Я имею в виду, что-нибудь летающее. Наша техника почему-то последнее время с трудом производит подсчет находящейся в готовности авиации. Разброс боеготовых сил вопиюще странный. Почему-то с наибольшей вероятностью в Оранжевой Республике вообще ничего не боеготово. Что-то тут не так. Вероятно, спутники, которыми мы пользуемся, контролирует какая-то контрразведывательная программа. На мой взгляд, мы представляем малый интерес для боевых вертолетов. (Снова подчеркну, это мое частное мнение.) Понятно, в случае отхода трансваальцы не заплатят нам ни рэнда. А отход придется начинать все равно – эти бродячие бушмены пройдут прямо через нас. В случае, если «Ахернар» обнаружат, против нас окажутся еще и они. А в варианте боя на два фронта у нас кризис с боеприпасами через двенадцать-пятнадцать минут. Предлагаю голосовать. Мы этого никогда не делали, но сейчас такой случай. Я в сомнении. Давайте быстрее, я тут на экране фиксирую ваши ответы. Табло вывожу на всех, дабы не думали, что я вас где-то обвел. Ну что, готовы? Нерусским все ясно? Наши-то по генетической привычке голосовать умеют.

И они, весь отряд, разместившийся на позиции, приступили к голосованию. Полный идиотизм с точки зрения любого профессионального военного. Но может, хитрый Потап Епифанович заранее просчитал вероятность выбора? Вполне допустимо.

В общем, неизвестно, что повлияло на голосование. Возможно, последнее беспроигрышное сражение, а может быть, непривычная ответственность и боязнь показать себя трусом. Кто ж поверит, что командир не зафиксирует, за что конкретно отдал голос каждый.

И они остались на позиции единогласно. Может, все прикинули, что, расстреляв боезапас, будет легче уносить ноги? Как теперь узнать? Регистировалось только прикосновение к клавише, а не внутренние сомнения. До телепатического контроля технике две тысячи тридцатого было еще далеко.

23

Твердый грунт

Бой 2030-го не требовал от командира отточенной резкости голоса. По крайней мере не в реальной обстановке. Все маты-перематы учебных атак упорхнули в закутки памяти, туда, где хранится курсантская юность. Нет смысла напрягать глотку. Мало того, что выдашь свое местонахождение и вообще существование противнику, так еще никто тебя не услышит. Ибо под кевларовыми шлемами – толстые изолирующие наушники. Они нужны всем, не только гранатометчикам, которые после пары выстрелов становятся как чумные. Доподлинно неясно, хотя, в общем, понятно, отснято и зафиксировано камерой микросамолета, что имеется на вооружении у противника. Но мало ли что в суматохе пальбы он применит раньше и конкретно по вам? Будет ничуть не лучше, если при взрыве чужой гранаты кевларовая кожа спасет от осколков, но хлопок взрыва травмирует перепонки. И потому все команды, как обычно, через нашлемный цветной микролазер прямиком в левый зрачок.

Режима два – фоновый и замещающий. В дневном бою обычно фоновый, дабы через виртуальное изображение обозревать раскинувшуюся впереди реальность. В ночном – можно и замещающий, но и то в особых случаях. Ну, главный глаз войны – правый, – тот покуда полностью свободен от виртуальной навязчивости. Его задача по первому требованию фиксироваться на оптике прицела. Но, конечно, вполне может быть, что там, у все-таки нараввавшихся на засаду бушменов, командирская глотка ценится по-прежнему, как века и тысячелетия назад. Но мы, господа «переносчики», совсем не виновны в вашем технологическом отставании. Действуем мы не полностью по своей воле, хоть и после предварительного добровольно-принудительного голосования.

Однако хоть у возвращающихся с «ратных подвигов» зимбабвийцев и радостно на душе от разгрузившихся яичников и боеприпасов маленько поубавилось, так что идти, по идее, легче, но ведь они понабрались в несчастной, безымянной деревне всяческого добра. Всего, что под руку попало и что хоть как-то возможно вынести вон. Так что шли они все ж таки не слишком торопясь. Тем не менее их разведчики не зря прожили свои ничемные, не слишком длинные жизни в единении с природой. Они научились что-то понимать и что-то фиксировать. Левые глазницы отряда «Ахернар» четко увидели, как передовые шеренги врага начали рассредоточиваться по местности. Наверняка какой-то неуловимый фактор насторожил авангардных наблюдателей. Может, кто-то приметил свежие царапины на стволах, там, где разместились стреляющие мины? Или их растревожил какой-нибудь непривычный запах? А может, даже поведение каких-то недовымерших птичек-синичек? В общем, что-то такое. Но нет, слава богу, они не развернулись обратно. Скорее всего не поняли, какая судьба им уготована. Слухи о том, уничтоженном намерении отряда только начали зарождаться. Не скоро, ой не скоро они доберутся до прячущихся в Зимбабве орд «переносчиков»!

Ну что же, для отряда наемников «Ахернар» это не оказалось полным сюрпризом. Одна из компьютерных моделей предусматривала и такой вариант. Четко, без всякого надрыва глоток, произошла перетасовка позиции и людей. Ничего, рокировка – предусмотренная правилами комбинация. Естественно, где-то там, на экранчике «IBM-4000», а точнее, теперь уже в левом глазу Потапа Епифановича, случилось вздергивание кривой роста расхода боеприпасов. Ну что ж, это уже не совсем модели – это уже отражение будущей реальности, так что деться некуда, а переигрывать недосуг. Бесшумно перекрыты предусмотренные зоны обстрела. Подняты к плечу плазменные винтовки. И пожалуй, раз враг затаился, не стоит конкурировать с этими неудачными детьми природы в остроте зрения. Виртуальный режим на правое веко. Здесь уже не отражение команды с компьютера майора Драченко – выходная эманация

своего собственного, зафиксированного под кевларом на животе. Прежде чем какая-нибудь очень крупнокалиберная дрянь навертит на себя кишки, она будет вынуждена лишиться жизни маленького электронного помощника. Ну что ж, наверное, это правильно, ибо неуютно жить в вечно несправедливом мире, где фарфоровая чашка частенько переживает человека.

Изображение, транслирующееся в правый глаз, вообще-то построено искусственно, но, пожалуй, оно реальней реальности. Никто, даже со сверхразвитым зрением жителя саванн, не способен видеть сквозь листву, деревья и кустарник. Такое волшебное качество дарит только электронный протез из микробной лазерной струны. А калибр и скорость «плазмобоя» позволяют запросто прокалывать полуметровые стволы. Ну, господа разведчики, подходите поближе. Вы еще ничего не поняли, а ваши смоделированные тела уже взяты в перекрестие.

24

Твердый грунт

И снова не разнеслась над лесом команда-воплъ. Просто совместились, мигнули, предупредая, на выстроенном в левой сетчатке изображении местности линии открытия огня. И каждый из обладателей «плазмобоя» независимо и в то же время одновременно наставил свою короткоствольную машину в нужном ракурсе, до момента окрашивания стрелки-указателя из зеленой в голубоватую. Ведь, по сути, почти никто из стрелков не видел, да и не мог видеть, свои мишени реально. Все они пользовались математической экстраполяцией, выведенной компьютером, исходя из анализа разнообразных источников информации. Анализировались изображения, поступающие с микрокамер, закрепленных на каждой каске, видеокартинки с крылатых микроразведчиков, сделанные загодя отображения местности. Просеивались звуковые колебания, уловленные специальными пассивно-акустическими радарными, а так же переносными, закрепленными на тех же кевларовых шлемах. Имелись и другие рецепторы пополнения данных.

Вся эта мешанина информации прессовалась, кодировалась и поступала в командирский микропроцессор. Там все это согласовывалось с первично выбранной последовательностью проведения боя, несколько корректировалось, исходя из реальности, и рассылалось по необходимым адресам. Тот из солдат, кто получал задание на стрельбу, должен был свято верить в план, так как иначе вся схема не то что рассыпалась, но в нее вносилась лишняя сумятица. Никто не должен был открывать огонь, даже если видел реальную цель – исключая случаи прямого нападения на себя или товарища. Все должны следовать заданию. Несмотря на то что противник еще не наблюдался человеческим зрением, он достаточно четко, с высокой вероятностью избегания ошибки, распознавался. Приоритетными целями в данном бою являлись гранатометчики, пулеметчики, лица, из поведения коих следовало, что они являются командирами, а также все, кто подошел на признанную опасной границу. Разумеется, кроме того, компьютер выдавал разрешение на отстрел менее опасных и даже не вооруженных стрелковым оружием объектов. Но это только без создания помех основной задаче. Ясное дело, после ее выполнения «маленький электронный генерал» выдавал зеленый свет на отстрел всего, что движется или просто дышит, но затаилось. Однако и тут воины отряда «Ахернар» должны следовать указаниям машины, ибо целей много, а боеприпасов не бесконечно. Дублирование в добивании вело к перерасходу пуль, а значит, кто-то из «переносчиков» мог ускользнуть. Существовал только один вариант, при котором команды компьютера можно сознательно игнорировать. В случае рукопашного боя. Вот тогда даже быстрое действие машин становилось неприемлемым. Или просто отработка их команд человеком не успевала за событиями. Но таких страхов следовало избегать любым способом. Благо сейчас ничего такого не ожидалось.

И вот когда линии открытия огня мигнули, а указатели приобрели голубоватый оттенок, практически беззвучные хлопки плазменных винтовок остановили передовых разведчиков бушменов. Нет, они не упали с пробитыми навылет головами. Применяемым сейчас оборудованием нельзя было добиться столь высокой точности, по крайней мере в этих условиях и при таком количестве целей. Поэтому поражалось тело приблизительно на уровне груди, живота; спереди, со спины или сбоку – без разницы. Серия из трех лежащих последовательно, практически дырка в дырку, пуль обеспечивала 98-процентную гарантию попадания в первом залпе. Затем следовало некоторое снижение вероятности, поскольку стрелков охватывал азарт, враг начинал метаться, а скорость переноса огня в новые точки требовалось наращивать. Однако снижение менее тридцати трех процентов считалось недопустимым. В таком варианте по каждой цели обязаны работать два и более стрелков одновременно.

Ушастые нашлемные локаторы, размещенные не у всех, а только у некоторых солдат, улавливали шумы. Но они не передавали их в прихлопнутые наушниками перепонки хозяев, а через те же носимые компьютеры пересылали в тот же центральный процессор. Здесь принятые усилителями стоны и крики умирающих, а также разложенные на составляющие и растянутые во времени звуки плюханья внедряющихся в тела и деревья пуль анализировались и встраивались в реальную схему боя. Ведь мало ли что могло произойти? Иногда в мире реализуются и менее вероятные вещи, чем двухпроцентная возможность промаха. В таком случае цель следовало обстрелять еще раз.

Уже через полторы секунды электронный стратег пришел к выводу, что первые цели поражены. Последовательность переноса огня по вторым, третьим, четвертым и далее не стоило пока прерывать. Теперь требовалось задействовать заждавшийся миномет. А вот пулеметчикам нужно было пока потерпеть. Нужная им плотность боевых порядков противника еще не достигнута. Следовало срочно это стимулировать. Командир отряда Потап Епифанович Драченко получил от своей набрюшной «IBM-4000» разрешение на инициацию закрепленных на деревьях зарядов (пока еще не всех). Следуя команде, некоторые из «умных» мин немного провернулись, меняя угол прицеливания. А кое-какие, особо мудреные, изменили свою форму – раскрывая или суживая наличные лепестки. Все это позволяло менять дальность и сектора поражения.

Затем мины взорвались. Над лесом прокатилось эхо, замаскировавшее звук подлетающих к цели минометных посланцев. Через несколько секунд, как и следовало из схемы, большинство «переносчиков» охватила паника. Кое-кто из них бросился вперед, не разбирая дороги.

Вот теперь настала пора для обширных пулеметных магазинов.

25

Пластик, железо и прочее

То была реализованная наяву мания гигантизма. Общая длина конструкции составляла тысячу шестьсот метров. Эта чудовищная штукавина ставилась поперек любого моря-океана и осуществляла полный контроль окружающего мира. Требовалась ли она в текущее тогда время? Пожалуй, еще нет, поскольку практически во всех концах планеты Земля наличествовали свои, американские, или союзные аэродромы, через которые в случае надобности осуществлялась переброска любого количества сил быстрого реагирования. Однако можно ли было ожидать, что в перспективном будущем такое положение сохранится? С точки зрения обыденного сознания, не отягощенного избытком информации, мир остается статичным всегда. Но те, кто умеет думать и извлекать уроки из прошлого, прекрасно ведают, что все течет и все меняется. Рано или поздно союзники предадут – абсолютно не из злого умысла, а в результате настойчивого давления окружающей среды; время аренды военных баз истекает, а новые правители, забывшие, почему эти чужие форпосты тут образовались, требуют чрезмерно высокую мзду – такую, что легче бросить все к черту или провести новую войну, дешевле будет. Да и вообще, мало ли что может случиться? Может, в условиях какого-нибудь сверхнового дальнеперспективного оружия, изобретенного врагами, стационарные базы-аэродромы окажутся вообще неприменимы? Кто знает? И вот тогда...

В общем, это был искусственный остров. Точнее, созданная в океане взлетно-посадочная полоса для самолетов любых типов. Абсолютно любых. Вплоть до уже начавших появляться атомных гигантов, способных крейсировать в небе по месяцу и более. Но ведь и им иногда требуется посадка, например, для разрешения каких-нибудь реакторных заварушек. Кстати, иметь на таковой случай собственную платформу в нейтральных водах весьма удобно. Ведь не каждый союзник согласится, чтобы на его земле садились находящиеся в аварийной ситуации ядерные монстры. А главное, теперь без всякой суши можно мгновенно осуществлять переброску целых дивизий, даже танковых. Уже здесь, на возвышающейся над водой металлической палубе, получалось быстренько перегрузить танки в выбросившие первую волну десантные корабли или даже на вертикально взлетающие «Оспреи». Ну и, разумеется, отсюда получалось осуществлять постоянную доставку действующей армии припасов и снаряжения.

Что интересно, это была не какая-нибудь норвежская бурильная платформа, которых в настоящее время, после высасывания последних шельфовых запасов, там и тут понатыкано в море зазря и кои способны переместиться один раз в своей жизни, именно туда, где они и умирают после опустошения скважины. Нет, это чудо могло собираться где нужно, а потом разбираться. Причем как для сборки, так и для разборки требовалось всего несколько часов. Потом платформа транспортировалась куда следует – в то место, где стало плохо с союзниками и с наземными воздушными базами. Предполагалось, что в скором времени таких мест на планете Земля должно стать предостаточно. После раскомпоновки конструкция превращалась в пять независимых модулей, каждый из которых мог самостоятельно двигаться куда следует, хоть за три моря. У каждого имелись свои собственные атомные движки, так что они не возили с собой ни соляры, ни мазута, ни какого-нибудь другого ингредиента нефти. В нужном месте независимым модулям снова командовали «до кучи – гоп», и через несколько часов они становились нерасторжимым целым.

Разумеется, столь прирученное торжество гигантизма могло появиться только в условиях полного развязывания рук на море. Разве можно это представить полувеком ранее, когда по океанам – и не только по северным – бродили атомные субмарины потенциального противника? Так что казус этого военно-морского чуда заключался в том, что оно делалось не для

завоевания господства на одной трети поверхности геоида, а для его постоянного и по возможности вечного удержания.

Интересно было бы знать, как это чудовище смогли проволочь через бюджетную программу Конгресса. Ведь его цена, судя по невиданной доселе масштабности, переплывала все, что угодно, конкурируя на равных с так и не доведенной до ума программой создания термоядерного реактора или даже с маловероятными в будущем фотонными звездолетами. Однако здесь все просто. Никакое лобби не протащило бы такой проект, исходя из нулевого уровня. Была применена хитрость. Основные части, годные для создания плавучего острова, уже имелись в наличии. Это было нечто похожее на то, как греки использовали для возведения Акрополя уже существующую и досконально неизвестно какими предками возведенную каменную платформу-основание. Так что оставалось только заложить и оснастить красотами Парфенон – и чудо начинало жить.

Сейчас фокус заключался в том, что морская взлетно-посадочная полоса строилась из уже существующих авианосцев. Использовались самые древние. Старички «Нимитц» и четыре следующих за ним в серии. Так что Конгрессу предложили всего лишь навсегда утвердить небольшую квоту на доработку передних и задних участков палуб специальными крепящими узлами. Разумеется, это были достаточно сложные и дорогие узлы, ведь от них требовалось сцепить в единое целое объект полным водоизмещением полмиллиона тонн. Сцепить так, чтобы его не разорвали на части даже двенадцатибалльные и на всякий случай не существующие покуда в природе тринадцатибалльные шторма. Проект принимался на перспективу, а мало ли что могло случиться с климатом планеты за десятилетия? В условиях вошедшей в ежедневный быт экологической катастрофы предстояло быть готовыми не только к тринадцатибалльным штормам, но даже к ледниковым периодам.

Разумеется, обыденным порядком, после проведения конкурса среди подрядчиков на лучший проект крепления, выяснилось, что этого маловато. Оказывается, существующие, собранные из металлических плит толщиной в десять сантиметров палубы авианосцев марки «Нимитц» абсолютно неприемлемы для посадки тяжелых транспортных самолетов. Ну что ж, раз пошла такая пьянка, пришлось протащить и эту дополнительную квоту. Потом последовала еще перестройка командных узлов, именуемых на авианесущих кораблях «островами». Ну и еще всяческая мелкая доработка, вылившаяся в миллиарды. Кроме всего, в кулуарах военноморских штабов уже поговаривали о том, что для продления будущего господства одного плавучего острова все-таки маловато будет. Необходимо хотя бы пять. С учетом удачного опыта эксплуатации теперь доподлинно известно, как строить новые. Естественно, простейшей арифметики хватало, чтобы рассчитать – для такой серии не хватит переделки всех на сегодня существующих авианосцев-гигантов, однако пока никто и не лез в Конгресс со столь радикальной программой довооружения. Время еще ожидало своих героев.

Возможно, использование в происходящем сейчас конфликте составного острова, называемого среди простого военно-морского народа «большой боевой линейкой», делалось не без задней мысли: удачным применением доказать его абсолютную нужность как для ведения войны, так и для сохранения мира. Сейчас вновь возводящееся пятимодульное чудовище получило до ужаса точную топографическую привязку: 45 градусов южной широты и 25 градусов восточной долготы. Это был явный геометрически повернутый намек на ожидаемую в грядущем эру полного торжества мирового глобализма. Тогда в эту идею верили все. По крайней мере живущие на других широтах и в другом полушарии.

26

Твердый грунт

Вот в этой, пока еще контролируемой всеобщей кутерьме, когда плазменные винтовки уничтожали цели десятками, а минный дождь и их управляемые на расстоянии стационарные сестры старались не отставать от снайперов, все как-то не заметили перехода в новую непредвиденную фазу. Точнее, предвиденную, но только как один из вариантов худшего сценария. Нет тут, на ближнем театре боевых действий, все пока еще было в норме. Поскольку мишени, доступные пулеметам и стационарно размещенным стрелкам по дальности, быстро кончились, а потерь отряд еще не понес, владельцы «плазмобоев» получили разрешение продвинуться вперед. И пехотинцы, перемещаясь со всей возможной осторожностью, отправились добивать противника.

Их действия по-прежнему соответствовали лучшей из схем и контролировались компьютером. Правда, сопровождающих их средств разведки стало несколько меньше, чем на исходной позиции. Переносной акустический локатор (не тот, что закреплен на шлеме, а несколько более крупный) в условиях леса имел достаточно малый радиус действия. Он стал практически бесполезен, за исключением засечки и определения параметров взрывов. Да и над полем боя теперь маневрировали не два микроразведчика, а всего один. Второй куда-то делся, может, досрочно выработал ресурс или встретил по дороге какой-то шальной, аномальный осколок. Вследствие этой потери стереокартинка с воздуха больше не выстраивалась. Ну что же, это являлось слишком слабой причиной для прекращения акции. Боеприпасы еще имелись: с их расходом все выходило по графикам и укладывалось в норму.

Поскольку в отряде «Ахернар» каждый ствол и меткий глаз были на счету, то, когда сражение вошло в запланированную колею, Потап Епифанович тоже стал использовать собственную винтовку по прямому назначению. Ему не слишком повезло, на его участке оказалось маловато бесхозных целей. Он успел «завалить» только три. Все предварительно укладывались лишь в шестидесятипроцентную вероятность. Из желания повысить вероятности до шестидесяти семи он использовал не по три, а по пять патронов в серии. С помощью столь простого трюка все проценты свелись к ста.

Когда первые ряды «переносчиков» полегли, «мишеней» в пределах досягаемости не осталось. Потап Епифанович решил двигаться вперед, несколько отставая от редкой шеренги своих бойцов. Именно в этот момент родная подбрюшная «IBM» предупредила его об изменении первично заданных условий. Оказывается, находящийся в пяти километрах пограничный отряд «оранжевых» изменил направление движения. Теперь этот пеший патруль двигался напрямик к месту боя. Потап Епифанович, естественно, запросил примерное время подхода. Учитывая плотность леса, отсутствие троп, ведущих к месту напрямую, и прочее, общее время прибытия пограничников оценивалось от пятидесяти пяти до семидесяти минут. Ну что же, это было не так страшно.

Майор Драченко все еще раздумывал, идти ли ему дальше, вслед за своей пехотой, или наоборот – отозвать ее назад, когда обнаружил в фоновом раскрое реальности левого зрачка новую наземную цель. Правда, она удалялась. Но с какой стороны? С той, где у отряда «Ахернар», по идее, располагался тыл. Неужели кто-то из «переносчиков» умудрился обойти позицию, не подвергнувшись огневому воздействию? Этого не могло быть.

27

Твердый грунт

Нарезающий восьмерки самолетик теперь сместил свои пируэты несколько западнее, стремясь восполнить недостачу разведывательных средств у наступающих пехотинцев. Отвлекать его фотокамеры на посторонние вещи было в настоящий момент преступно. Также нежелательно – разворачивать акустический локатор. Тем не менее нечетко наблюдаемый, удаляющийся от позиции объект внушал майору Драченко опасения. Ему уже стало не до огневой помощи своим ребятам. Благо количество непосредственно уничтоженных каждым солдатом врагов не отражалось на долларовой «зарплате» индивидуально. А то бы вся группа кинулась сейчас за скальпами. Но, во-первых, как разобраться, сколько конкретно уложил миномет или заложенная сапером мина? Тем не менее количество истребленного противника все же отражалось на оплате ратных подвигов. Но отражалось дифференцированно, с учетом специфики труда каждого номера расчета или стрелка. Так что с точки зрения беготни за деньгами Потапу Епифановичу вовсе не вменялось в обязанность опорожнять свой винтовочный магазин до конца. Его задача состояла в управлении сражением, так что охотничьи инстинкты требовалось загнать внутрь.

Поскольку перенацелить летающий наблюдатель не получалось, требовалось поднять дополнительный. Помимо того, что самолетик остался один, он еще начал обстреливаться с земли какими-то особо глазастыми бушменами. В случае его потери группа оставалась без глаз наверху. Ведь они не являлись какой-то сверхдорогой элитной группой десанта сильной державы, на которую в случае чего работали бы даже спутники видеонаблюдения или по крайней мере высотные разведчики. Приходилось рассчитывать только на себя. Между делом Потап Епифанович отдал команду компьютеру, а уже тот по своим тайным каналам переправил приказ минометчикам о срочном перенесении огня по запоздало догадливым негритянским стрелкам. Тем не менее шальная пуля все равно могла достать парящий разведчик, и подстраховка не мешала. Командир отряда «Ахернар» приказал поднять в воздух дополнительный летающий глаз.

Микросамолеты вообще-то были штукой достаточно дорогой. Их требовалось ценить. Но ведь они не являлись оторванными от дела ценностями. Возможные потери подготовленных солдат значили гораздо больше. В отряде не имелось отдельного специалиста, занятого запуском микросамолетов. Но это было не особо мудреным делом – практически каждый солдат «Ахернара» умел при необходимости проделывать такой трюк. Но поскольку обязанности были четко распределены загодя, то сейчас они лежали на втором номере минометного расчета, выходец из Восточной Украины легионере Кисленко. Для выполнения поручения Захару Кисленко требовалось оставить свою убийственную машину на попечение других, а самому дойти до складированного имущества отряда. Ведь все в соответствии с наставлениями по ведению войны в условиях космического наблюдения складировалось рассредоточенно и тщательно маскировалось. Добравшись в нужное место, легионер Кисленко вначале занялся открыванием нужного ящика, потом приведением микролетуна в готовность, а уж потом обратил внимание на одну «мелочь». Он отложил тестирование самолета и связался с Потапом Епифановичем.

– Что такое? – слегка удивился тот, ощутив в наушнике человеческую речь. – Самолет не тестируется?

– Командир, вы не распоряжались перемещать лошадей?

– Я? – опешил майор Драченко.

– Дело в том, что их тут нет, – пояснил Кисленко. – И я их не наблюдаю поблизости.

28

Пластик, железо и прочее

Контр-адмирал Лигатт наблюдал за процессом сразу из трех измерений. То есть, во-первых, он видел кое-что через поляризационное стекло с высоты девятиэтажного дома. В минуту некоторого затишья в поступлении докладов он невольно раздумывал о том, что в былые времена, капитанам прошлого уже этого стало бы достаточно для управления всеми процессами. Правда, они не оперировали такими массами, как сейчас. Но адмирал Лигатт был абсолютно уверен – его предки справились бы с задачей наверняка. «Мы мельчаем, – размышлял он в такие минуты, – шагу не можем ступить без подстраховки компьютеров». Это относилось ко второму и третьему измерениям, посредством которых контр-адмирал взаимодействовал с миром. Расположенные вокруг плоские экраны отображали события, вершащиеся сейчас на самых важных участках. Съемка велась со множества камер одновременно. Помещенные где-то ниже адмирала люди и машины занимались анализом и перебором изображений, выдавая вверх самые нужные на данный момент ракурсы.

Кроме того, имелось еще одно измерение. Оно было абсолютно виртуальным, но, разумеется, согласовывалось с происходящими реально событиями. В нем процесс отображался в виде упрощенных мультипликационных моделей с демонстрацией цветных стрелок, имитирующих векторы движений масс и объектов. Особо опасные поползновения механизмов моментально пыхали пурпуром. Одновременно соседние экраны демонстрировали возможные в данном случае противодействия опасным ситуациям. Все окружающее было рассчитано не то что на полного дурака, но на человека, знающего о происходящем самый минимум. «Мы явно деградируем, – философствовал контр-адмирал Лигатт, – сложные и не провернутые через первичную мясорубку модельного упрощения действия мы скоро совершенно разучимся понимать». Было даже странно, что адмирал додумался до таких вещей, ведь он не застал не то что века парусников, когда все управление базировалось на опыте поколений и интуиции, но даже просто времена некомпьютеризованных кораблей. Даже в период его молодости ни одна пушка на каком-нибудь задрипанном катере береговой охраны не смогла бы стрелять без информационной подпитки вычислительных машин. Однако вся его служба прошла как раз в тот период, когда компьютерные технологии резко расширили область своего применения и скачком сократили количество непосредственно ведущих управление морскими операциями людей. Кроме того, он явно наблюдал, что приходящее сегодня на борт молодое пополнение, несмотря на гораздо большую адаптацию к виртуальному миру, стало заметно глупей. Это чувствовалось. И наверняка не потому, что он стал за эти годы много умнее. Разумеется, нет, он стал просто опытнее.

Несмотря на то что первое из наблюдаемых адмиралом Лигаттом измерений было самым реальным, как раз оно, по сути, являлось абсолютно ненужным дополнением для успешного проведения процесса. Ведь в самом деле, сейчас погода стояла вполне нормальная – видно было далеко. Но какой бы толк имелся от прямого наблюдения, если б сейчас штормило, плюс к тому с ветерком и косым, непробиваемым ливнем? Или даже вокруг просто-напросто властвовала ночь? Естественно, любую обыкновенную ночь можно переждать, однако что делать, если бы вершавшийся сейчас процесс пришлось выполнять в условиях полярной зимы? И потому по большому счету наблюдаемая через поляризационное стекло картинка оказывалась просто источником любования миром, и не более того. Так что всем, что происходило, адмирал Лигатт руководил через отображение векторов и ракурсы видеокамер. Ему приходилось подчиняться времени – жить в виртуальности и именно через нее контролировать реальность.

Сейчас он вел управление очень важным процессом, именуемым среди знающих военных «стыковкой». Цель «стыковки» была в создании на границе двух океанов искусственного полуторакилометрового острова – «большой боевой линейки».

29

Твердый грунт

– А где же они? – спросил Потап Епифанович вслух у самого себя. Одновременно вопрос восприняла подбрюшная «IBM-4000». Но Потап Епифанович уже и без него понял, где. Однако он уже взял себя в руки и заблокировал голосовой канал пересылки информации. После этого он спокойно доброкачественно ругнулся и, используя компьютерный канал, передал Захару Кисленко приказ произвести срочный запуск разведчика. Теперь командир «Ахер-нара» понимал, а компьютер подтвердил это с девяностопроцентной вероятностью, что тот самый таинственный объект и есть исконные воронежские лошаденки. Несмотря на то что этих рысаков вывели в век расцвета технологий и компьютеризации, развязывать привязь они скорее всего не умели. А если бы даже сумели, то паслись бы поблизости, а не пошли неизвестно куда, тем более скопом. С другой стороны, может, их напугали подрывы мин? И они теперь несутся сломя голову, сами не зная куда? Все допустимо, но Потап Епифанович был слишком тертым жизнью мужиком и воспринимал принцип Оккама всем нутром, еще до того, как узнал его теоретически.

«Кисленко, – напечатал он, всего лишь умело шевеля снабженной сенсорами перчаткой. – Посмотри, где наш проводник?» Он имел в виду приданного отряду негра-трансваальца. Именно ему, как не задействованному в деле истребления, поручили охранять припасы и ездовых животных.

Однако Захару Кисленко было сейчас не до этого, он уже провел ускоренное тестирование самолетки и подготовил запускающую его трубу к выстрелу. Получив предыдущий приказ майора о срочном запуске, он начисто забыл оговоренную до того инструкцию о запрете пуска вблизи остального лагерного имущества. Это делалось по нескольким причинам одновременно. Во-первых, из-за возможного возгорания; во-вторых, дабы не демаскировать место нахождения склада. Сейчас легионер Кисленко нарушил оба принципа.

Самолет запускался аналогично стрельбе из гранатомета, то есть летающую машину первично выталкивал вверх достаточно сильный пороховой заряд. Ведь желательно было запустить наблюдатель как можно выше. Снизиться, если надо, всегда проще. Поскольку микроавиация создана для разведки, то труба имела специальный глушитель, ибо какой смысл от тайного наблюдения, если ты сообщаешь о взлете грохотом на весь лес? Тем не менее из задней части водружаемого поверх плеча пускового устройства неизбежно плескал огонь.

Разумеется, Захар Кисленко не собирался что-то поджигать. Однако над ним были деревья, и он долго вертелся на месте, выбирая просвет. Окружающий мир, в том числе и готовые к погрузке ящики, для него сейчас не существовал. Играло роль только прицельное устройство. Как только он нащупал достаточно большую прорезь в листве, он нажал пуск.

Позади него стоял небольшой ящик с сигнальными ракетами. Ящик не был металлическим, поскольку, когда едешь не на джипах, а на лошадях, приобретаешь стремление к сбросу прочь каждого лишнего килограмма.

30

Твердый грунт

На некоторое время все внимание Потапа Епифановича сосредоточилось на запущенном самолете. Он отсекал поступление прочей информации и сосредоточился на результатах проверки микромашины. Вообще-то этим занималась автоматика, но майору чрезвычайно сильно хотелось ускорить процесс. Ведь после он собирался направить разведчика в сторону удаляющихся – теперь он был уверен – лошадей, а после к приближающимся пограничникам. Все-таки требовалось уточнить их состав и вооруженность. Контроль функционирования малютки прошел нормально. Это было привычно, но все-таки удивительно. Столь хрупкая штукавина, пройдя сквозь солидную, смертельную для человека встряску при взлете, сумела без помех развернуть в небесах свои крылья и теперь славно парить, рубя небо прозрачным винтом. И самолетик взял указанный компьютером курс.

Теперь Потап Епифанович проверил, чем занимается передовая линия легионеров. Большинство уже начали отход. Только двое задержались, расстреливая кого-то, находящегося в пределах зоны поражения. Любование высвеченной в глазу картой местности с символами-человечками заняло еще какое-то время. Майор Драченко уже понимал, что вся эта суэта является только поводом, отодвигающим время принятия решения. Что же делать? Вообще-то вариаций по-прежнему оставалось только две. Уйти или принять бой. Правда, первая теперь затруднялась тем, что без лошадей пришлось бы бросить практически все тяжелые предметы. С другой стороны, принять бой в условиях более чем наполовину истраченных боеприпасов, с совершенно наспех подготовленной позиции? Однако, пока кто-то будет сдерживать напор нападающих, может быть, удастся каким-то, пока неясным образом вернуть лошадей назад?

Разумеется, решение можно принять и наобум, навязав его в качестве аксиомы и людям, и машинам. Но, может, пока суд да дело, стоило все же оценить варианты с помощью компьютера? Тем более за это время микроразведчик долетит и туда и туда. Можно будет убедиться, лошади ли это идут рысцой на удалении и какой точный состав вооружения у приближающегося отряда. Потап Епифанович задал своей «IBM-4000» сразу две задачи. Вторую – по поводу того, что позволительно захватить с собой в случае отхода пешком.

В это время воспламенившиеся сигнальные ракеты из злополучного ящика уже взрывались. Если бы уши майора Драченко не были прикрыты многослойной защитой кевларового шлема – он бы это услышал. А если бы зрачки его не были пронизаны лазерным телелучом – он бы увидел, как они взмывают над деревьями и распускаются вверх разноцветными плямбами. Но пока Потап Епифанович был занят. Он скомандовал аппаратуре, чтобы акустический локатор развернулся в сторону прущих напрямую через лес пограничников. Метнувшийся по азимуту «ушастик» почти сразу, после трехсекундного накопления данных, выдал требуемую для компьютера информацию о скорости неприятельского отряда. Выходные данные несколько сняли озабоченность по поводу «оранжевых». Они шли явно медленнее, чем планировалось, и уже не укладывались в минимальные пятьдесят пять минут. Между прочим, «ушастик» слышал какофонию, поднятую сигнальными ракетами, но, выполняя задания, он вырезал все мешающие делу частоты. Естественно, параллельно этому первый номер минометного расчета, да и не только он один, пытался сообщить Драченко о странно близком салюте, но все никак не мог пробить возведенный майором барьер информационного приоритета. А вот вызвавший пожар Захар Кисленко совершенно не пытался связаться с начальником, и вовсе не потому, что был ранен или же боялся ответственности. Хотя ее он, разумеется, боялся, он знал, какие у Епифановича железные кулаки. Но Захару было некогда. Он, рискуя жизнью, оттаскивал от продолжающего пылать и запускать ракеты ящика другое оборудование.

Надо учесть, что все вокруг происходило невероятно быстро и параллельно. Возможно, лишней минуты, а то и тридцати секунд, хватило бы для обуздания стихии хотя бы в информационном плане, но окружающий группу мир не давал этих минут и этих секунд. К тому моменту, когда компьютерное сообщение о пожаре и взрывах преодолело приоритетно-информационный барьер аппаратуры и сообщение уже начало выводиться на экран, случилось еще кое-что. Кстати, сообщение боролось не только с новостями другого рода, но и с докладами о том же событии, посылаемыми из разных источников. Ведь взрывы ракет наблюдали даже летающие разведчики, правда, только в качестве отсветов на деревьях, ибо их видеосредства направлялись вниз.

Так вот, информационный блок, оттеснивший все остальное, относился к приоритетам высшего уровня. В пределах пятнадцати километров от позиции появился вертолет. Сообщение пришло со спутника. Все-таки хозяева в Трансваале не оставили своих посланцев насовсем. Понятно, что почти одновременно сообщение о летательном аппарате поступило и из других источников. Вертолет был боевой. Кроме того, Потап Епифанович Драченко с удивлением узнал о том, что над отрядом «Ахернар» взрываются сигнальные ракеты. Но ни он, ни поясной компьютер уже не успели догадаться, откуда они взялись.

31

Пластик, железо и прочее

Вообще-то вертолет был старый. Да и назван именем одного из когда-то истребленных народов. «Апач» – старая американская «лошадка» почти полувековой давности. Каким образом он еще летал? Просто. В действительности он был вовсе не рухлядью. С тех пор как его выпустили, он несколько раз проходил капитальный ремонт, включающий смену двигателя и много чего еще. И модернизировался он тоже достаточное количество раз. Да, наверное, он не смог бы конкурировать с какими-нибудь современными моделями, но что выставлялось против него сейчас? Два носимых противосамолетных комплекса? Наплечная станция постановки помех? Глупости и детские игрушки. Против этого всего, включая угнанных воронежских лошадей, «Апач» был и оставался очень и очень грозной машиной.

Он был способен двигаться над самыми вершинами деревьев. Для того чтобы обнаружить цель, ему не нужно было высовываться из-за препятствия. Зависая на месте, он выставлял вверх только краешек винта. Там находились фотокамеры и радары разного назначения. В том числе и те, что «подсвечивали» жертву. В боковых контейнерах помещалось пятьдесят ракет «воздух – земля», способных самостоятельно находить индивидуальные цели. Вся эта свора запускалась одним движением снабженной сенсорами перчатки. Причем стартовала залпом.

Это было очень удобно. Боевой вертолет, даже старый, был штуковиной дорогой. (По крайней мере так считалось в 2030-м, пока нефть еще существовала.) Не стоило рисковать им ради такой мелочи, как банда каких-то контрабандистов. Нужно было всего лишь подойти на заданную дистанцию и, совершенно не «высовываясь», сделать единственный залп. Ну а потом возвращаться на родимый аэродром допивать кофе. После, когда до места доберутся пограничники, они доложат о результатах удара. Может быть, придется взлететь еще разок. Разумеется, если начальство не пожадничаёт насчет керосина. Заодно отряд разберется, кого накрыл залповый огонь. После того как искусственно выпячиваемую демократию во всем мире тихонько и без гимнов затолкали под сукно, летчикам стало как-то легче работать. Теперь не нужно было подлетать на опасную дистанцию и всматриваться в нечетко различимые лица – представляют ли они какую-то явную опасность? Спрашивать у них визы на въезд в страну и прочее. Теперь все эти «иду на вы» благополучно сдали в утиль.

Сейчас задача вертолетчиков еще более облегчалась. Там, над местом сражения неопознанных гангстерских группировок, салютовали ракеты. Это стало прекрасным ориентиром и допускало стрельбу с большей дистанции. Так что, оказавшись в пятнадцати километрах, вертолет запустил вперед ракету-корректор. Выйдя в запланированную точку, она стрельнула парашютом. Над полем боя, на высоте километр, завис «глазастый» наблюдатель. Он мигом обозрел окрестности и передал все нужные координаты и картины на борт «Апача». Что с того, что по парашютисту-корректировщику легионеры «Ахернара» успели пустить противоракету? Ей было просто не успеть. Разве что на борт вертолета метнулись новые данные о выявленной точке ПВО?

Затем старичок «Апач» родил перед собой расходящийся огненный веер. Он даже не дернулся от отдачи – аппаратура загодя отразила удар добавочными оборотами винта.

32

Морские песни

Команда у них была бравая, а вот лодка старовата. Продукт тридцатилетней давности – эпохи НРР – Новой региональной регенерации. В нормальном, уважающем свой флот и свою армию государстве корабли столько не живут. По крайней мере подводные, не поставленные в сухой док на консервацию. Правда, их крейсер уже давно не относился к вооруженным силам страны, и, значит, все было в норме – мало ли какая блажь придет в голову частному владельцу. Тем более что владельца того в реальности никогда не существовало, хоть он до сей поры и значится в розыске Интерпола. Там же, в Интерполе, регистрировался ее реально существующий командир, числящийся официально в «без вести пропавших». А сама лодка проходила по этой же статье, по крайней мере в агентстве Ллойда. Так что в настоящее время в случае аварии никто бы из страховщиков не дал за подводный крейсер шиллинга. Это стоило учитывать в расчетах «без вести пропавшему» капитану. Так что производимый сейчас маневр требовалось делать особо тщательно.

Лодка должна была всплыть и сойтись борт в борт с транспортом «Пенджаб», плавающим под пакистанским флагом и, может быть, действительно являющимся пакистанской собственностью.

Еще до подъема перископа капитан-подводник идентифицировал транспорт по индивидуальным шумовым составляющим судна. Нет, до этого он никогда не имел с ним дел, однако в бортовом компьютере наличествовала соответствующая запись – ее передали заблаговременно, с далекой северной радиостанции. Разумеется, на самом «Пенджабе» думали, что лодка найдет их по специальному, также заранее оговоренному сигналу эхолота. Ну что ж, это было их собственное убеждение. Они значились людьми гражданскими, военная перестраховка была им абсолютно неведома. На самом деле если бы капитан подводного крейсера хотел, то с полной гарантией успеха атаковал бы их за пятьдесят километров. А с гарантией чуть ниже девяносто пяти процентов – с вдвое большей дистанции. Странно, что на транспорте не знали таких общедоступных вещей. Хотя, может, и знали, однако не связывали с собой непосредственно. Похоже, телевидение за столетие своего воцарения на планете Земля сумело достичь цели – сделать из самого умного млекопитающего слабо соображающего, не могущего связать причины и следствия моллюска. Хотя все могло быть значительно проще. Сигнал эхолота давал знать о том, что там, на транспорте, все нормально, и они ждут не дождутся замечательную, неизвестную и несуществующую, но зато загодя оплатившую свои потребности субмарину. А потребностей у нее имелось предельно много.

Например, необходима была еда, и в достаточно большом количестве. Экипаж любил покушать, даже те, кто, как и капитан, значились «пропавшими без вести». Еще требовались всяческие смазочные материалы для сотен разнокалиберных подшипников, сменные модули и блоки для постоянно устаревающей электроники, инструмент взамен изношенного, шланги, трубы и прочее, прочее... Несмотря на периодически, но тайно проводимую модернизацию, лодка все ж таки была старой посудиной.

А вот чего ей совсем не требовалось, так это топлива. Имелся надежный запас, доставшийся еще со строительной площадки. А родилась лодка на ленинградской верфи в две тысячи десятом. В период, когда до правителей сжимающейся шагреневой кожей России дошло, что надежнейшим из путей восс... (уже не восстановления – воссоздания) экономики является милитаризация. Правда, не мирового, как ранее, а относительно локального уровня.

Эпоха вошла в историю как Новая региональная регенерация. Ну что ж, за миновавшее время она тоже себя отжила, как и укатившая в седую древность перестройка. Однако соору-

дять лодку успели. И, разумеется, не одну. Вот только последней в серии не повезло. Кончилась НРР, а с ней и загруженные U-238 реакторы. Так та последняя и сгнила на верфи, не дождавшись ни атомного двигателя, ни восьмиметрового титанового винта, ни назначенной загодя команды. Но что плакать о невезучих? О них забыла история, в которую они даже не успели вписаться.

Зато подводному крейсеру, нагоняющему сейчас пакистанский транспорт в Индийском океане, повезло. Он не пошел на слом и имел за своими железными плечами бурную, не каждому кораблю выпадающую судьбу.

33

Твердый грунт

– Кто у нас теперь за старшего? – спросил Потап Елифанович. С трудом спросил, преодолевая сопротивление стремящегося к покою организма. Ведь тяжело, наверное, разговаривать, когда у тебя сожжена добрая половина лица. И даже если бы без этого, все равно трудно, когда еще и рука до локтя превращена в черную культяпку. Да и без этого трудновато. Трудновато, когда обе ноги переломаны, пусть даже перелом закрытый – спасибо, кевларовый костюм сделан на совесть. А еще трудно потому, что с животом тоже не все о'кей. Явно не все, ибо ударнотойкая «IBM-4000» просто так не ломается.

– Получается, я, Потап Елифанович, – ответил Герман Минаков, изо всех сил стараясь придать лицу стойкое выражение.

– Ну, это не худший вариант, – кивнул, точнее, хотел кивнуть, но не смог, майор Драченко. – Русский человек у власти – это еще полбеды. – Черт возьми, он находил силы шутить, шутить, лежа под капельницей. Герман хохотнул, натуженно так, но все ж таки хохотнул. – Что там с этими зулусами?

– Бушменами?

– Кой черт их различит.

– Их, может, и всех накрыло. Ведь откуда они знали, что ракеты пущены. Мы-то хоть знали и легли.

– Это да.

– А что с пограничниками?

– Шлепают сюда, Елифаных. – Какой смысл врать. Не было на это времени. – Идут прохладяясь, но все равно скоро будут.

– Что ты решил, Герман?

– А вы? Почему я? Что вы скажете...

– Не зуди, Минаков. И так тошно. В натуральном смысле тошно. У тебя теперь основной компьютер, ты главный. Что решили?

Опять не было нужды врать. Не врут собеседнику, который при смерти, тем более если второй тоже скоро может отправиться вслед за первым.

– Не бросать же вас? – Теперь Герман говорил вполне спокойно. – Мы дадим им бой. Думаю, вставим им клизму.

– Вначале все взвесьте. Досконально взвесьте. Ладно, Герман, не об этом речь. – Слова давались майору Драченко с очень большим трудом. – Тут, надеюсь, вы выкрутитесь.

«Если эта летающая сволочь снова не явится, – подумал Герман, используя паузу в речи раненого начальника.

– Герман, ты здесь? – внезапно спросил Потап Елифанович.

Господи, у него еще и с глазами что-то, с ужасом сделал вывод Герман Минаков.

– Я здесь, майор... Здесь я, Елифаных.

– Хорошо. Слушай. Наклонись пониже. Убери всех лишних вон. Ты начальник.

– Да нет здесь никого, только я.

– Что? – Майор Драченко задышал очень часто. – Ты остался один? Совсем?

– Да нет! Нет! Елифаных, вы что? Нас десять человек, все, кто ушел вперед, атаковать, и еще кое-кто. Не бойтесь. Это здесь, возле вас, я сейчас один.

– А, тогда ладно. Наклонись, чтоб тебя...

– Да наклонился я. Слушаю.

– Запомни фразу инициации.

– Фразу инициации?

– Молчи, гад. Некогда. Уплываю. Что вы мне вкололи, мудаки?

– Болеутоляющее и...

– Заткни рот. Фразу инициации. То есть команду. Команду высшего приоритета. Если в приказе по линии, Новому Интернету или как угодно придет фраза инициации – все остальное – к чертям. Ты понял? Остальное – к чертям! Она должно прийти скоро. Если она придет, посылаешь подальше всех нынешних хозяев вместе с их деньгами. Ясно?

– Да, Епифаныч. – На самом деле еще ничего ясно не было. Может, у майора бред?

– После фразы инициации поступят новые команды из совсем другого центра. Из нашего Русского центра. Центра возрождения. Тогда и ты и отряд переходите в подчинение ему. Ты усек? Запоминай слова инициации. Наклонись!

– Я тут, товарищ майор.

– «Орки оседлали молнию». Повтори!

– Орки оседлали молнию?

– Вот. Когда они – неважно кто – скажут это, ты ответишь «Меч империи готов к битве».

Понял?

– Меч империи готов к битве!

– Теперь все. Нет, знаешь...

– Что, Епифаныч?

– Ты мне лучше поклянись.

– Что?!

– Как в старых, плоских фильмах. Знаю, что ерунда, но... В общем, клянись, что войдешь в подчинение Центру после слов инициации.

– А чего я о нем раньше ничего не слы...

– Заткни рот, аэромобильник Минаков. Нету времени. Клянись!

– Хорошо, не волнуйтесь. Клянусь, что войду в подчинение к Русскому центру...

– Возрождения.

– Клянусь, что войду в подчинение к Русскому центру возрождения после фразы...

– Тсс, Герман. Тсс.

– После слов инициации.

– Вот и хорошо. Дай руку.

– Да ведь...

– Одна у меня вроде бы еще чувствует.

Герман потискал левую руку Драченко. Он не помнил, когда видел ее в последний раз без напыленной сенсорной перчатки.

– Все, Минаков, иди отражай атаку. Или что вы там решите. Если решите отступать – меня убей. Убей обязательно. Ты понял?

Герман не успел ответить, точнее, отвечать стало некому. Потап Елифанович потерял сознание.

34

Морские песни

Вначале он назывался «Шестидесятник». Уже в период окончательной доводки было весьма сложно растолковывать любопытствующим офицерам, а уж тем более матросам, что значит это название. Со времен шестидесятых годов двадцатого века миновало полстолетия, воды утекло порядком, свидетелей, ощутивших на себе те времена в зрелом возрасте, можно было по пальцам пересчитать, а уж тех, кого непосредственно коснулись тенденции этих самых шестидесятых, в радиусе ста километров от пирса обнаружить не получалось. Электронная энциклопедия рассказывала нечто достаточно туманное, перемежая пояснения не менее тайными символами типа «тоталитаризм» или «диссиденты». В конце концов усилиями командного звена была изобретена достаточно выговариваемая версия, основанная на притянутой за уши и не имеющей отношения к делу аналогии. Она любезно отсылала вопрошающих к восстанию декабристов, в декабрь 1825 года. То, что ядро декабристов составляли офицеры – пусть и не военно-морские, – хоть как-то объясняло причастность названия к ударной атомной субмарине. Естественно, очень грамотные могли бы стать от такой бестолковой аналогии в тупик. Но если они такие умные, почему сами не создадут свою версию происхождения имени крейсера? Короче, все делалось в лучшем виде и согласно русской поговорке: «Умный поймет, а дурак не догадается». Расчет оказался абсолютно верным. А когда название прижилось, вопросы о его происхождении снялись сами собой.

Затем, после завершения эпохи НРР, страна вновь решила накапливать валюту. Причем любыми путями. Атомный крейсер был продан изначально дружественной Индии. Естественно с необходимым штатом специалистов. Правда, проданы они были не с потрохами, все-таки когда-то совершившееся восстание декабристов не прошло бесследно, и крепостное право в России все ж таки со временем приказало долго жить. Так что специалисты отдавались как бы в аренду, во временную эксплуатацию, как и некоторые механизмы. Например, корабельный атомный котел.

Кстати, производимые им и его братьями с других кораблей эманации, носящие название плутоний, дружественная Индия обязывалась ежегодно паковать в свинцованные тары и отсылать к далекой северной подруге. Самолеты, перевозящие тары, были до крайности надежны и дальнобойны, ибо вынуждались геополитическими обстоятельствами следовать не впрямую на север, а во избежание всяческих инцидентов с не слишком дружественными соседями и нарушения каких-то древних конвенций о перевозке лететь на юг. Там они пересекали синтаксически близкий Индии океан, до сей поры официально никому не принадлежащую и не растаявшую Антарктиду и великанский Тихий, отклоняясь чуть к западу, дабы войти в воздушное пространство России со стороны Охотского моря, не чиркнув по перильцам непонятно кому принадлежащей Курильской островной гряды и южного Сахалина.

После продажи бывшая российская лодка некоторое время носила название «Индира Ганди». С толкованием этого названия получалось гораздо проще. Убитая при исполнении должностных обязанностей премьер-министр – это не какие-то таинственные шестидесятые, в которые кого-то там перестали публиковать, а за чтение каких-то рукописей могли отправить на Колыму. Обычному, не свихнувшемуся на почве истории человеку двадцать первого века представить такое почти невозможно. Что такое чтение рукописей, он понимал не очень. Не всякий, взявший в руки книгу впервые, мгновенно догадывался, как ею пользоваться: как перелистываются страницы, где начало-конец и все такое. Если даже какой-нибудь особо грамотный матросик до этого и читал, он делал это с помощью «книгарни» – электронного устройства, достойного последователя ноутбука.

За годы службы в индийском флоте «Индира Ганди» участвовала в двух войнах. В столь напряженные периоды русские специалисты, естественно, не могли покинуть борт, ибо в их отсутствие атомный крейсер не представлял для врага никакой опасности. Поэтому офицеры и мичманы не летели в отпуска, а оставались в тропических водах и неуклонно набирались опыта войны. Но вообще-то, кому они были нужны в северных морях? В государстве, все еще колеблющемся в остаточных завихрениях Новой региональной регенерации? Военные с удовольствием продлевали срок своей инструкторской службы, да еще и зазывали к себе в помощь отслуживших на родине товарищей. Еще бы тем не соглашаться. Бенгальский залив – это вовсе не Баренцево море, здесь несколько теплее, по крайней мере на поверхности. Кроме того, шантажируемые Пакистаном и прочими «добрыми» соседями индусы платили щедро, причем в принимаемой международными банками валюте. Дело шло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.